

МАРТИН ЛЮТЕР В ИСТОРИОГРАФИИ ГДР

10 ноября 1983 г. исполняется 500 лет со дня рождения Мартина Лютера — выдающегося немецкого реформатора, основоположника протестантизма, одного из титанов эпохи Возрождения. Этот знаменательный юбилей побуждает не только активизировать работу по изучению Лютера в конкретно-историческом плане, но и проанализировать результаты предшествующих исследований. Особый интерес представляет историография ГДР, которая внесла заметный вклад в исследование Реформации и Лютера.

Попытаемся проследить, как начиналось в ГДР изучение Лютера, какие стороны его взглядов и деятельности были в центре внимания исследователей на разных этапах развития марксистской медиевистики республики, в какой мере характеристика этой личности соотносилась с освещением Реформации в целом.

Уже в первые послевоенные годы лютеровская проблема привлекла к себе пристальное внимание не только историков, но и общественных деятелей, писателей, публицистов Восточной Германии. Этот обостренный интерес к Лютеру не был случайным. По данным на 31 августа 1950 г. из 17 199 098 жителей ГДР 14 071 416 чел. исповедовали протестантское вероучение [7, с. 171]. Представления же верующих об основоположнике протестантизма базировались на националистических измышлениях о нем, методично насаждавшихся в годы гитлеровской диктатуры. Основной заслугой Лютера тогда провозглашалось то, что он якобы не только отразил в себе мистический «немецкий дух», не только способствовал его выражению, но и действительно утверждал его [25, с. 8]. Кроме того, в послевоенный период реакционная западногерманская историография пыталась использовать религиозные идеи Лютера как барьер, препятствующий распространению материалистического, коммунистического мировоззрения. «Обширными частями планеты, — писал в 1956 г. Г. Р. Герстенкорн, — овладевает новая светская религия — коммунизм... Новый «мессия мира земного» начал путь в мир из Москвы и угрожает декадентствующему, в своей вере христианству» [9, с. 277]. Для преодоления материализма и «коллективизма» автор предлагал «особенно поднять значение духовной сферы и распространить представления Листера о законе и Евангелии на все области человеческих отношений» [9, с. 198]. Весьма примечательно, что хвалебное предисловие к этой книге было написано тогдашним президентом бундестага Е. Герстенмайером.

Все это делало в 50-х годах для зарождавшейся марксистской медиевистики ГДР актуальным разоблачение тенденциоз-

ных трактовок Лютера в фашистской и реакционной буржуазной историографии, пересмотр с марксистских позиций его роли в немецкой истории и популяризацию в широких кругах немецкого общества подлинно научной оценки учения и деятельности реформатора. Но решение этой задачи серьезно осложнилось из-за нехватки кадров историков-марксистов. Поэтому на первых порах неизбежны были антиисторические, субъективистские оценки Лютера. Так, в книге В. Ханштейна Лютер провозглашался единственным виновником поражения немецкой революции первой половины XVI в. [11, с. 7], провозвестником немецкого империализма, проповедником немецкого шовинизма, разрушителем европейского единства [11, с. 22]. Автор даже утверждал, что в сочинении «К христианскому дворянству немецкой нации» Лютер якобы проповедовал необходимость установления господства Германии над всей Европой [11, с. 30]. Хотя книга В. Ханштейна сразу же после ее выхода в свет была признана антинаучной и антимарксистской [10], односторонняя, негативная оценка Лютера не была до конца преодолена в ряде работ конца 40-х — начала 50 годов.

В конце 40-х годов оценка Лютера с позиций исторического материализма вызывала иногда прямое сопротивление со стороны некоторых религиозных деятелей. Так, в 1948—1949 гг. возникла бурная дискуссия о работе известного социал-демократа Ф. Меринга «История Германии с конца средних веков». В ноябре 1948 г. ряд представителей фракции христианско-демократического союза в Тюрингенском ландтаге выступил против использования этой книги в качестве учебника истории для курсов повышения квалификации учителей на том основании, что будто бы трактровка Реформации, содержащаяся в ней, устарела, а характеристика Лютера оскорбляет религиозные чувства немецкого народа. В ходе дискуссии в Тюрингенском ландтаге, а затем и в Иенском университете эта попытка подорвать значение марксистского метода исследования получила достойный отпор [22, 1948, 25 нояб.].

Укрепление организационных основ исторической науки в ГДР, подготовка кадров историков-марксистов, публикация трудов классиков марксизма-ленинизма, переводы работ советских историков — все это способствовало утверждению марксистского метода исследования в историографии ГДР. Благодаря этому наметился, в частности, и серьезный поворот в изучении Реформации и Лютера. Вопрос о необходимости дифференцированного подхода к характеристике Лютера был впервые поставлен историками ГДР во время организованной в 1952 г. Музеем немецкой истории дискуссии о роли и месте Лютера в революционных событиях первой четверти XVI столетия. А. Мейзель, Г. Камнитцер, Ф. Кучинский, К. Хагер высказали мнение, что в деятельности Лютера следует различать два периода. По словам этих историков, до Вормского рейхстага

реформатор играл прогрессивную роль как выразитель всеобщих интересов в борьбе с папским Римом. Решающее значение для негативной оценки Лютера в последующий период придавалось его позиции во время Крестьянской войны [22, 1953, 31 янв.].

Дискуссия о Лютере способствовала более глубокому пониманию его роли в немецкой истории. Большое значение для дальнейшего изучения Лютера имела и написанная в плане постановки проблемы книга известного историка Л. Штерна [35]. Полемизируя с представителями буржуазной историографии, автор обращал внимание на необходимость тщательного изучения экономических, социальных, политических и идеологических предпосылок лютеровской Реформации. Наряду с этим он подчеркивал важность изучения объективной исторической роли лютеровской Реформации в революционном движении и в истории общественной мысли. В книге также была предпринята попытка классификации источников мировоззрения Лютера. В качестве последних автор называл учения Оккама, Викариуса, Гуса, немецких мистиков и гуманистов. Но главное внимание Л. Штерн уделял вопросу о вкладе немецкого гуманизма в дело Реформации. Этот вопрос решался им путем тщательного анализа взаимоотношений Лютера и известного гуманиста Филиппа Меланхтона.

Наряду с постановкой важных вопросов лютеровской проблемы, историки ГДР пытались в 50-х годах охарактеризовать учение и деятельность Лютера в работах общего характера и в научно-популярных работах [14; 31; 15]. Но авторы, как правило, ограничивались тем, что брали фактический материал из исследований буржуазных историков и пытались истолковать его в марксистском духе. Исключение составляли лишь оригинальные работы К. Хинрихса и Г. Фукса, посвященные анализу взаимоотношений Лютера с идеологами радикальных направлений Реформации — Томасом Мюнцером и Андреасом Карлштадтом [12; 8].

Вместе с тем в 50-х годах историками ГДР был создан целый ряд серьезных исследований, посвященных особенностям социально-экономического развития Германии на рубеже XV — XVI вв. и отдельным аспектам революционной борьбы немецкого народа в период Реформации и Крестьянской войны. Эти работы создавали базу для теоретических обобщений и для комплексного изучения проблемы Реформации и Крестьянской войны. Начало широкому и планомерному исследованию событий Реформации и Крестьянской войны в Германии как первой европейской раннебуржуазной революции было положено на конференции медиевистов ГДР, состоявшейся 21—23 января 1960 г. в Вернигероде [4]. Такая трактовка немецких событий первой четверти XVI в. позволяла также уточнить и расширить

прежние представления о Лютере. Г. Фабиунке рассмотрел экономические взгляды реформатора [7]. Э. Арндт — его вклад в развитие немецкого языка [3], Р. Мюллер-Штрейзанд — эволюцию его религиозных представлений [21].

Результаты исследований по проблеме раннебуржуазной революции были обобщены в работах [36; 37]. Первостепенное значение в них придавалось борьбе Лютера с папской церковью на первом этапе революции. Реформатор характеризовался как герой немецкой нации, выдвинувший широкую программу борьбы за освобождение Германии от засилья со стороны папского Рима. Но по сравнению с объективным и подробным анализом выступлений Лютера в 1517—1521 гг. резким диссонансом представляется характеристика его деятельности на втором этапе раннебуржуазной революции — в 1521—1524 гг., которая сведена к следующей фразе: «После того, как Лютер предал классовые интересы прогрессивного бюргерства, он бросил на произвол судьбы и рыцарскую оппозицию» [26, с. 110]. А при характеристике кульминационного пункта революции — Великой крестьянской войны — о Лютере в рассматриваемых работах вообще не говорилось ни слова.

Многие пробелы в изучении Лютера были восполнены исследователями ГДР в 1967 г., когда широко отмечался 450-летний юбилей Реформации. Оценка Лютера во время всех прежних юбилеев Реформации была односторонней и неисторичной. В 1617 г. идеологи ортодоксального лютеранства прославляли его как отца веры и церкви; в 1717 г. пиеисты превозносили его как выдающуюся религиозную личность; в 1817 г. под влиянием идей Просвещения в Лютере видели носителя света разума; в 1917 г. имя реформатора было использовано официальной историографией и пропагандой для оправдания и освящения захватнической войны германского империализма. Юбилей Реформации, отмечавшийся в 1967 г., был впервые в истории проникнут идеей «разграничить во влиянии Реформации временное и непроходящее, то, что отразилось не только на религиозных убеждениях значительной части населения Германии, но и на истории культуры и общественной мысли немецкого народа» [2, с. 11]. «Если бы Лютер был только религиозным деятелем, а Реформация сводилась бы лишь к основанию новой церкви, — отмечал известный историк М. Штейнмец, — то в ГДР не было бы никакого повода к образованию Государственного комитета по подготовке и проведению 450-летнего юбилея» [27, с. 1172].

Этот комитет был учрежден в июне 1966 г. В его состав вошли видные государственные деятели, историки, представители евангелической церкви. Комитет провел большую работу по организации выставок в музеях и библиотеках, торжественных заседаний и научных конференций. Наиболее представительным был международный симпозиум «Всемирное влияние

Реформации», проходивший в Виттенберге 24—26 октября 1967 г. [32].

Юбилей вызвал появление обширной литературы о Реформации и Лютере. Кроме многочисленных журнальных публикаций в ГДР был издан ряд сборников [23; 30; 33; 34]. Несомненным достоинством этих работ являлось то, что их авторы сумели избежать однообразия и повторений, зачастую свойственных юбилейной литературе, и рассмотреть многие вопросы, которые до того времени лишь эпизодически затрагивались в историографии ГДР. Так детально анализировалось влияние средневековых ересей, учения Яна Гуса, немецких мистиков на формирование реформационной идеологии. Более четко было определено значение Реформации как первого этапа раннебуржуазной революции в Германии. Впервые широко и многопланово рассматривалось влияние немецкой Реформации на развитие реформационного движения в Европе. Были сформулированы общие методологические принципы марксистского подхода к решению лютеровской проблемы в целом, рассмотрено национальное и социальное значение «95 тезисов» Лютера, его отношение к некоторым видным деятелям Реформации, его влияние на формирование мировоззрения идеологов радикальных направлений реформационного движения, охарактеризованы исторические воззрения реформатора, его взгляды на государство и право, дана оценка его роли в развитии немецкого языка, литературы и искусства.

В юбилейном году в ГДР многое делалось и в области издания научно-популярной литературы о Реформации и Лютере. Для ознакомления широких кругов читателей с марксистской концепцией Реформации и наиболее яркими историческими источниками начала XVI в. была подготовлена книга «Реформация в Германии» [5]. В ней содержалось краткое популярное освещение событий раннебуржуазной революции 1517—1525 гг., приводились отрывки из работ Ф. Энгельса и историков-марксистов ГДР о Реформации и Крестьянской войне, а также извлечения из 27 источников по истории Реформации. Издание «Реформация в документах» включало в себя 36 источников, дающих общее представление о содержании широкого общественного движения 1517—1555 гг. [24]. Из произведений Лютера отдельными изданиями были опубликованы «95 тезисов» [16], «Застольные речи» [17], «Послание о переводе» [18].

В 1967 г. появилась также первая часть превосходной научно-популярной биографии Лютера, написанной Г. Шебицем. Эта работа основана на глубоком анализе многочисленных источников. Описание жизни и деятельности реформатора доведено в ней до 1526 г. Автор не стремился идеализировать образ Лютера и сгладить его противоречия. Книга носит примечательное название «Мартин Лютер. Величие и ограниченность» [37].

Вместе с тем оценки Г. Шебица далеки от субъективизма. Противоречивость общественно-политических взглядов реформатора и неоднозначность его позиции в общественном движении оцениваются с учетом сложной общественно-политической ситуации переходной от феодализма к капитализму эпохи.

Биографию Лютера в иллюстрациях подготовил В. Флашендреггер [6]. В этой работе главное внимание уделялось Лютеру до 1526 г. Деятельность реформатора в последующие периоды его жизни освещалась лишь суммарно.

Таким образом, 450-летний юбилей Реформации имел важное значение для более глубокого раскрытия характера и закономерностей революционных событий в Германии первой четверти XVI в. и роли в них Лютера. В свете работ, подготовленных к юбилею, стала очевидной научная несостоятельность односторонней негативной характеристики реформатора. Были объективно оценены исторические заслуги и объяснены причины ограниченности этой личности.

Однако далеко не все вопросы, связанные с исследованием Лютера, получили в период подготовки и проведения юбилея исчерпывающее решение. Главное внимание, вполне естественно, уделялось Лютеру 1517—1521 гг., так как в этот период он выдвинул широкую программу борьбы с католической церковью и сплотил вокруг этой программы все прогрессивные слои немецкого общества. В гораздо меньшей степени освещались идейные искания «юного», «дореформационного» Лютера, его деятельность на втором этапе раннебуржуазной революции — в 1521—1524 гг. и особенно после Великой крестьянской войны — в 1525—1546 гг.

Эти аспекты не были исчерпывающим образом исследованы историками ГДР и после 1967 г. Объясняется это скорее всего тем, что основные усилия специалистов по истории Реформации и Крестьянской войны в Германии в конце 60-х — 70-х годах сконцентрировались на изучении роли революций при переходе от феодализма к капитализму, городских движений в период раннебуржуазной революции и на подготовке к 450-летию юбилею Великой Крестьянской войны. В 70-х годах взгляды и деятельность Лютера рассматривались лишь в популярной статье М. Штейнмеца [29], в его историографической работе [28] и в обобщающем коллективном труде [13]. Кроме того, были опубликованы избранные произведения Лютера [19] и первый том шеститомного собрания его сочинений, предназначенного для учебных целей [20].

Это, разумеется, не означает, что исследование Лютера в ГДР окончательно отодвинулось на второй план. О признании исторических заслуг Лютера и актуальности изучения этой личности свидетельствует речь Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного Совета ГДР Эриха Хонеккера, произнесенная 13 июня 1980 г. на учредительном заседа-

нии Государственного комитета Германской Демократической Республики по подготовке и проведению 500-летнего юбилея Лютера [1]. И, несомненно, новые исследования историков ГДР явятся весомым вкладом в изучение лютеровской проблемы.

Список литературы: 1. *Honeker E.* In DDR wird die historische Leistung Martin Luthers bewahrt. — ZfG, 1980, H. 10, S. 927—931. 2. *Штерн. Л.* Идеологическая и политическая роль Реформации в прошлом и настоящем. Ежегодник германской истории. — М.: Наука, 1969, с. 11—28. 3. *Arndt E.* Luthers deutsche Sprachschaffen. — Berlin, 1962.—238 S. 4. *Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland.* Referat und Diskussion zum Thema Probleme der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland 1476—1535. — Berlin, 1961.—566 S. 5. *Die Reformation in Deutschland.* Materialien zur Geschichte der frühbürgerlichen Revolution. — Wittenberg, 1967.—180 S. 6. *Flaschendräger W.* Martin Luther. — Leipzig, 1967.—112 S. 7. *Fabiunke G.* Martin Luther als Nationalökonom. — Berlin, 1963.—232 S. 8. *Fuchs G.* Karlstadts radikal — reformatorisches Wirken und seine Stellung zwischen Müntzer und Luther. — WZ der Martin Luther — Universität Halle-Wittenberg. Gesellschaftl. und sprachwiss. Reihe. Jg. 3, 1953/54, H. 3. S. 523—550. 9. *Gerstenkorn H. R.* Weltlich Regiment zwischen Gottesreich und Teufelsmacht. Die staatstheoretische Auffassungen Martin Luthers und ihr politische Bedeutung. — Bonn, 1956.—298 S. 10. *Gropp R. O.* Unter aller Kritik. — Einheit, 1948, H. 7, S. 668—669. 11. *Hanstein W.* Von Luther, bis Hitler. — Dresden, 1947.—188 S. 12. *Hinrichs K.* Luther und Müntzer. — Berlin, 1952.—244 S. 13. *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution.* — Berlin, 1974.—416 S. 14. *Kamnitzer H.* Zur Vorgeschichte des deutschen Bauernkrieges. — Berlin, 1953.—144 S. 15. *Kleinschmidt K.* Martin Luther. — Berlin, 1953.—220 S. 16. *Luther M.* Die 95 Thesen. — Berlin, 1967. — 28 S. 17. *Luther M.* Tischreden. Sammlung Aurijaber. — Leipzig, 1967.—262 S. 18. *Luther M.* Sendbrief vom Dolmetschen und Summarien über die Psalmen und Ursachen des Dolmetschens. — Halle/Saale, 1968.—124 S. 19. *Hutten.* Müntzer. Luther. Werke in zwei Bänden. Zweiter Band. Luther. — Berlin und Weimar, 1970.—436 S. 20. *Luther M.* Studienausgabe in 6 Bde. Bd. I. — Berlin, 1979.—416 S. 21. *Müller-Streisand R.* Luthers Weg von der Reformation zur Restauration. — Halle (Saale), 1964.—218 S. 22. *Neues Deutschland.* 23. *Reformation in Europa.* — Berlin, 1967.—352 S. 24. *Reformation in Dokumenten.* — Weimar, 1967.—88 S. 25. *Ritter G.* Luther der Deutsche. — München, 1935.—256 S. 26. *Steinmetz M.* Deutschland von 1476 bis 1648. — Berlin, 1965.—428 S. 27. *Steinmetz M.* Die Entstehung der marxistischen Auffassung von Reformation und Bauernkrieg als frühbürgerlichen Revolution. — ZfG, 1968, H. 1, S. 86—88. 28. *Steinmetz M.* Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. — Berlin, 1971.—500 S. 29. *Steinmetz M.* Martin Luther. In: Unter dem Regenbogen. — Leipzig. Jena. Berlin, 1974, S. 106—117. 30. *Weltwirkung der Reformation.* Referate und Diskussionen. — Berlin, 1969.—566 S. 31. *Wessel K.* Luther auf der Wartburg. — Eisenach, 1955.—188 S. 32. *Vetter K.* Internationales Symposium «Weltwirkung der Reformation». — ZfG, 1968, H. 1, S. 86—88. 33. *Vierhundertfünfzig Jahre lutherische Reformation 1517—1967.* — Berlin, 1967.—427 S. 34. *450 Jahre Reformation.* — Berlin, 1967.—497 S. 35. *Stern L.* Martin Luther und Philipp Melanchthon — ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. — Berlin, 1953.—248 S. 36. *Deutsche Geschichte in drei Bänden.* Bd. I. — Berlin, 1967.—775 S. 37. *Zschäbitz G.* Martin Luther. Größe und Grenze. T. I. (1483 bis 1526). — Berlin, 1967.—236 S.

Поступила в редколлегию 10.11.81.

**ИСТОРИОГРАФИЯ ГДР О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ
В ГОРОДАХ ГЕРМАНИИ
ВО ВРЕМЯ РАННЕБУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1517—1525 гг.**

Исследуемая проблема относится к числу актуальных тем марксистской исторической науки. Изучение места и роли городов и различных слоев городского населения в событиях 1517—1525 гг. крайне важно для определения характера революции, ее задач и исторического значения.

Большую и плодотворную работу в этой области проводят медиевисты Германской Демократической Республики. В настоящее время назрела необходимость проанализировать их работы в историографическом плане, обратить внимание на дискуссионные и нерешенные вопросы. Эти задачи мы и попытаемся решить в настоящей статье.

Первые марксистские работы по истории Реформации и Крестьянской войны появились в ГДР в начале 50-х годов, а уже во второй половине этого десятилетия в историографии республики окончательно утвердился марксистский метод исследования. В 60-е годы начинается широкое, комплексное изучение проблемы Реформации и Крестьянской войны, как первой раннебуржуазной революции в Европе, а в 70-е — уточнение и более глубокий анализ наиболее актуальных и спорных вопросов.

Изучение городских движений во время раннебуржуазной революции поставило перед историками-марксистами широкий круг сложных проблем: социально-экономическое развитие города в эпоху разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений, роль различных слоев городского населения в классовой борьбе, влияние Реформации на городские движения, отношение различных слоев бюргерства и плебса к Крестьянской войне. Они либо совершенно не рассматривались буржуазными историками, либо изучались поверхностно, фрагментарно и к тому же с идеалистических позиций.

Одним из первых тему классовой борьбы в городах во время Реформации и Крестьянской войны затронул Г. Камнитцер. Главные причины, вызвавшие городские движения, по его мнению, заключались в засилии торгово-ростовщических кампаний, эксплуатировавших ремесленников, в отсутствии у бюргерства и плебейских масс политических прав. Автор считал, что выступления горожан были обусловлены также высокими ценами и налогами, коррупцией со стороны городских властей и засилием католической церкви [11, с. 80—83]. В то же время, подчеркивая влияние на характер борьбы в городах зарождавшихся капиталистических отношений, Г. Камнитцер упрощенно толковал обострение противоречий между ремесленниками

и купцами, не учитывая при этом их глубокой социальной дифференциации [11, с. 79].

Касаясь проблемы дифференциации реформационного движения, Г. Камнитцер считал, что в 1521—1522 гг. образовались бюргерское умеренное и революционное крестьянско-плебейское направления в Реформации [11, с. 107—109]. Однако тезис об образовании в этот период революционного лагеря был слабо аргументирован. Значительным вкладом в решение данной проблемы явилась статья Г. Фукса о видном деятеле реформации Андреасе Карлштадте. В ней автор показал наличие радикально-бюргерских группировок и радикальной идеологии в городских движениях во время Реформации и Крестьянской войны [6, с. 549].

Большое внимание историков в первой половине 60-х годов привлек вопрос о месте и роли различных слоев городского населения в раннебуржуазной революции. Крупный исследователь М. Штейнмец утверждает, что бюргерство, которое могло возглавить революционное движение, еще формировалось в класс буржуазии. Поэтому, несмотря на его широкое участие в революции, главной движущей силой последней были городской плебс и крестьянские массы [21, с. 8—9].

Важная роль плебейских масс в раннебуржуазной революции освещена в работах И. Шильдхауэра, Д. Леше, Х. Кедиц [20; 15; 2]. Результаты их исследований свидетельствуют о том, что городской плебс активно боролся против католической церкви, добивался демократизации городского управления и улучшения своего экономического положения.

Исследование позиций различных групп городского населения в классовой борьбе открыло новые возможности для решения вопроса о дифференциации реформационного движения. М. Штейнмец наряду с умеренным бюргерским и революционным крестьянско-плебейским лагерями выделяет бюргерское радикальное течение в Реформации [21, с. 125]. По его мнению; бюргерский умеренный лагерь состоял в основном из богатого и среднего бюргерства преимущественно княжеских городов, а также из мелкого дворянства. Руководство в этом лагере постепенно переходило к князьям. В бюргерский радикальный лагерь входили, главным образом, богатые купцы, ремесленники и предприниматели швейцарских и частично южнонемецких городов [22, с. 125—126]. Тот факт, что в составе обоих лагерей находились в значительной степени одни и те же элементы — крупное и среднее бюргерство, — естественно, ставит вопрос о необходимости уточнения отношения разных групп бюргерства к производству, их политического положения. Основную массу революционного лагеря, по словам автора, составляли городской плебс, крестьяне и мелкое бюргерство [21, с. 28]. Эти положения получили широкое признание в марксистской исто-

риографии. Они нашли также свое отражение в первом томе «Истории Германии» [5, с. 518—520].

Конкретизируя эти общие положения, К. Чок на примере городов Средней Германии показывает, что в большинстве городов движение разделилось на две оппозиции: умеренную бюргерскую и революционную, в которую входили плебс и мелкое бюргерство. Самостоятельная плебейская оппозиция, по его мнению, образовалась только в Мюльхаузене во время Крестьянской войны [3, с. 144—145]. Вместе с тем К. Чок не учитывает, что значительная часть бюргерства и плебейских масс примыкала к радикально-бюргерской оппозиции.

Большое внимание историки ГДР уделяют анализу требований и программ, выдвинутых городами во время высшего этапа революции — Великой крестьянской войны. Статья Г. Фоглера посвящена Гейльбронской программе, которая, по его мнению, представляет собой наиболее полное выражение требований бюргерской оппозиции [24, с. 121]. Главным пунктом программы было требование осуществления централизации страны. Он подчеркивает решающую роль народных масс в создании этой программы [24, с. 124]. Однако условий для ее осуществления не было создано, поскольку руководство находилось в руках умеренно настроенных элементов бюргерства и крестьянства [24, с. 124].

Требования тюрингенских городов исследованы Г. Мюллером [18]. По его мнению, они были направлены на устранение господства патрициата, улучшение экономического положения бюргерства, усиление влияния горожан в деревне [18, с. 139—140]. Он отмечает также отсутствие требований общегерманского характера, в частности установления политического единства страны [18, с. 139]. Однако этот факт не нашел достаточного объяснения в статье.

Г. Гюнтер обратился к исследованию городских программ, выдвинутых до начала Крестьянской войны. Анализируя известный Мюльхаузенский рецесс 1523 г., он характеризует его как документ, отражавший интересы в первую очередь крупного и среднего умеренно настроенного бюргерства, добивавшегося участия в городском управлении [7, с. 180—182]. К сожалению, изучение городских программ и требований, выдвинутых на предшествовавших Крестьянской войне этапам, до настоящего времени не привлекали внимания историков.

А между тем исследование требований и программ городов очень важно для решения проблемы отношения различных слоев городского населения к главному вопросу революции — вопросу о власти. Особенно активно эта проблема обсуждалась во второй половине 60-х годов, в ходе дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны. Г. Тепфер, отрицая характер Реформации и Крестьянской войны как буржуазной революции, утверждал, что немецкое бюргерство не только не стре-

милось к захвату власти, но даже не ставило вопроса о компромиссном участии в государственном управлении [25, с. 710]. Такая точка зрения вызвала обоснованные возражения со стороны других участников дискуссии. Д. Леше отметил наличие ожесточенной борьбы вокруг вопроса о власти, начало которой положила Реформация. Бюргерство, по его мнению, старалось добиться ликвидации привилегированных сословий и участия в государственном управлении [16, с. 12—13]. Г. Фоглер, в целом поддерживая это утверждение, высказал мысль, что последовательную борьбу за власть вели плебейские массы вместе с крестьянством. По его мнению, в ходе Крестьянской войны вопрос о власти иногда решался в пользу крестьян и плебеев [25, с. 711].

Вместе с тем, несмотря на положительные результаты, дискуссия показала необходимость тщательного исследования участия различных бюргерских группировок в политической борьбе, их отношения к княжескому мелкoderержавию. Важные результаты для решения вопроса о власти может дать исследование борьбы против католической церкви, поскольку она играла важную политическую роль.

Большое внимание историков ГДР привлекает проблема влияния Реформации на развитие классовой борьбы в городах. К. Чок выдвинул утверждение, что Реформация послужила стимулом развития борьбы в городах и явилась ее идеологическим выражением. Она изменила также направление главного удара городских движений. Если раньше борьба велась главным образом против патрициата и городского управления, то с началом Реформации борьба была направлена в первую очередь против церкви [3, с. 129—133]. Эти положения разделяют также М. Штейнмец и Г. Фоглер [10, с. 157; 26, с. 54]. Но утверждение о том, что Реформация изменила направление городских движений, может быть принято с оговорками. Исследование И. Миттенцвей и А. Лаубе движения в городах горнорудных районов показало, что основные направления борьбы в период Реформации остались прежними [12, с. 83; 17, с. 214]. Очевидно, следует учитывать, что во многих случаях борьба против церкви для горожан была не самоцелью, а использовалась для решения социально-экономических и политических проблем.

Стимулирующее воздействие на изучение классовой борьбы в городах во время раннебуржуазной революции оказали 450-летний юбилей Великой крестьянской войны, а также начавшаяся в 1973 г. дискуссия о месте бюргерства в феодальном обществе. Значительное место проблеме роли бюргерства в раннебуржуазной революции уделено в фундаментальном труде историков ГДР «Иллюстрированная история раннебуржуазной революции». М. Штейнмец, написавший раздел «Реформация и Крестьянская война», отмечает, что ведущую роль в борьбе против церкви и за социально-экономические преоб-

разования в городах играли средние и низшие слои бюргерства при поддержке плебейских масс [10, с. 156]. Патрициат, по мнению М. Штейнмеца, занимал двойственную позицию. С одной стороны, он старался поддерживать борьбу горожан против церкви, с другой — боялся активности бюргерства и плебейских масс [10, с. 171—173].

Г. Фоглер исследовал отношения бюргерства к Крестьянской войне. По его мнению, в целом в Германии имелись благоприятные условия для создания между бюргерством и крестьянами союза, от которого зависела судьба революции. Объединению способствовало то, что многие города восставали вместе с крестьянами, бюргерство имело старые традиции в борьбе против патрициата и дворянства, кроме того, между городом и деревней были тесные экономические связи [26, с. 53—54]. Однако привязанность бюргерства к местным интересам не позволила ему объединиться с крестьянством. Только городской плебс оказывал последовательную поддержку восставшим крестьянам [26, с. 55]. Однако некоторые положения, выдвинутые Г. Фоглером, следует принять с оговорками. Так, между городом и деревней существовал ряд острых социально-экономических противоречий, мешавших объединению бюргеров и крестьян. Городские движения во время Крестьянской войны были вызваны не только крестьянскими восстаниями, как считает Г. Фоглер [26, с. 53]. Города также сыграли важную роль в подъеме крестьянского движения.

В последнее время историки ГДР приступили к изучению роли отдельных слоев бюргерства в раннебуржуазной революции. Так, в статье А. Лаубе рассмотрен сложный и противоречивый характер борьбы элементов крупной буржуазии за осуществление буржуазно-городских требований [13].

С вопросами места и роли бюргерства в раннебуржуазной революции тесно связана проблема типологии городских движений, решение которой началось в 70-е годы. М. Штейнмец выделил три основных типа городских движений. В основу типологии он положил наличие и характер связи бюргерской оппозиции с реформационным движением. Первый тип, наиболее распространенный, характеризуется активной борьбой бюргерства за осуществление реформации и против городской правящей верхушки. Успех таких движений, как правило, зависел от степени участия плебейских масс. Для второго типа характерно то, что городская верхушка становится во главе реформационного движения для того, чтобы подчинить его себе и проводить реформацию в бюргерском умеренном духе. Третий, сравнительно редкий тип, представляет собой реформационное движение, в котором бюргерство ведет борьбу вместе с плебейскими массами в духе народной реформации [10, с. 173—174]. Безусловно, данная типология представляет значительный интерес. Вместе с тем она не может учесть всего многообразия

классовой борьбы в городах. Требуется также дальнейшая разработка критериев типологии городских движений.

Вопросы типологии городских движений вызвали оживленную дискуссию на коллоквиуме Исторического общества ГДР, состоявшемся в ноябре 1975 г., на котором Г. Брендлер определил в качестве наиболее типичного городского движения периода раннебуржуазной революции виттенбергское движение 1521—1522 гг. [19, с. 1169]. Однако это утверждение вызвало возражения со стороны М. Штейнмеца и Г. Фоглера, которые указывали на особое положение Виттенберга. По их мнению, определение основного типа реформационного движения может быть достигнуто только в результате глубоких сравнений городских движений, происходивших в различных областях Германии [19, с. 1170—1171].

Повышенный интерес медиевисты ГДР проявляют к изучению городских движений в районах горнорудного производства, где капиталистические отношения достигли наиболее высокого уровня. В монографиях И. Миттенцвей и А. Лаубе убедительно показан антифеодальный характер борьбы предпринимателей и горнорабочих против городских и княжеских властей, регального управления горным производством. Оба исследователя отметили наличие противоречий между предпринимателями и горнорабочими, которые сказывались на характере борьбы за социально-экономические и политические преобразования [17, с. 43—44; 12, с. 215—280]. Специальная статья А. Лаубе посвящена исследованию отношения горнорабочих к крестьянским восстаниям. Он сделал вывод, что горнорабочие вели борьбу в основном за осуществление своих специфических требований и союз с восставшими крестьянами не смог сложиться [14, с. 242—244].

В последнее время в историографии ГДР наметился интерес к изучению городских движений, предшествовавших Крестьянской войне. Исследование У. Вейсса «штурм попов» в Эрфурте в 1521 г. показывает большое политическое значение этого восстания для завоевания независимости города от архиепископа Майнцского [27, с. 275—279]. Правда, степень зрелости этого выступления против церкви несколько преувеличена автором. Горожане в основном вели борьбу против привилегированного положения духовенства, а не за последовательное осуществление реформации.

В 70-е гг. появились статьи, посвященные событиям Крестьянской войны в Лейпциге [4], Магдебурге [9], Альштедте [23]. Эти исследования показывают широкое участие городского населения в антифеодальной борьбе. Они подтверждают также вывод Ф. Энгельса о том, что в раннебуржуазной революции «бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, чтобы объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия» [1, т. 21, с. 314].

Историки ГДР постоянно уделяют внимание изучению большой и сложной проблемы идеологии различных групп городского населения в раннебуржуазной революции. Они решительно выступают против попыток буржуазных историков представить реформационную идеологию как надклассовое явление. Широкое признание получили выводы М. Штейнмеца, о том, что основной идеологией бюргерства являлось лютеранство. В Швейцарии значительная часть бюргерства была сторонником цвинглианства. Среди плебейских масс особой популярностью пользовались учения анабаптистов и Томаса Мюнцера [21, с. 12—15; 5, с. 520—521]. Ряд исследований обнаружили также широкое распространение идей радикально-бюргерской реформации, выдвинутых Карлштадтом [17, с. 83—86; 8, с. 180—181; 12, с. 280]. Это ставит задачу исследования учения и деятельности Карлштадта, а также места и роли радикально-бюргерской оппозиции в раннебуржуазной революции.

Рассмотренные нами работы свидетельствуют о больших достижениях медиевистов ГДР в изучении вопросов классовой борьбы в городах во время Реформации и Крестьянской войны. Они рассматривают городские движения как составную часть раннебуржуазной революции. Исследованы основные причины выступлений горожан, их цели и задачи. Показана важная роль плебейских масс в раннебуржуазной революции. Убедительно раскрыт классовый характер реформационной идеологии.

Вместе с тем неравномерно изучена борьба в городах на разных этапах революции. Основная часть работ посвящена периоду Крестьянской войны. В то же время городские движения на ранних этапах революции изучены недостаточно. На наш взгляд, целесообразно показать развитие классовой борьбы в городах в тесной связи с задачами каждого этапа революции. Необходимо детальное исследование места и роли радикально-бюргерской оппозиции в революции, влияния процесса первоначального накопления на развитие классовой борьбы в городах, исследование «Порядков о бедных», возникавших в ходе революции. Требуется также дальнейшая разработка типологии городских движений.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 269—317. 2. *Кедиг Х.* К истории народного движения в Мюльхаузене (Тюрингия) в 1523—1575 гг. — Средние века, 1962, вып. 21, с. 62—80. 3. *Czok K.* Revolutionäre Volksbewegungen in Mitteldeutschen Städten zur Zeit von Reformation und Bauernkrieg. — In: 450 Jahre der Reformation Hrsg./von L. Stern u. M. Steinmetz. B., 1967, S. 128—145. 4. *Czok K.* Der Widerhall des Bauernkrieges in Leipzig 1524—1525. — In: Der Bauer in Klassenkampf. B., 1975, S. 118—128. 5. *Deutsche Geschichte*, Bd. I. — B., 1967. — 860 S. 6. *Fuchs G.* Karlstadt's radikal-reformatorisches Wirken und seine Stellung zwischen Luther und Müntzer. — Wiss. Zeitschrift der Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, Gesell. u. Sprachwiss. — Reihe, Jg. 3, 1953/54, H. 3, S. 523—550. 7. *Günter G.* Der Mühlhäuser Rezess vom 3 Juli 1523. — In: Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland. Referat und Diskussion. B., 1961, S. 167—183. 8. *Günter G.* Bemerkungen zum Thema «Thomas Müntzer

und Heinrich Pfeifer in Mülhausen». — In: Bauer in Klassenkampf..., S. 157—182. 9. *Gericke H. O.* Die historischen Bedingungen und des Charakter der Volksbewegungen in Magdeburg während der frühbürgerlichen Revolution. — Wiss. Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Magdeburg, 1970, S. 74—97. 10. *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution/* A. Laube, M. Steinmetz, G. Vogler. — B., 1974.—416 S. 11. *Kamnitzer H.* Zur Vorgeschichte der deutschen Bauernkriege. — B., 1953.—144 S. 12. *Laube A.* Studien über den erzgebirgischen Silberbau von 1476—bis 1546. — B., 1974.—300 S. 13. *Laube A.* Die Herausbildung von Elementen einer Handels und Manufaktur bourgeoisie und deren Rolle in der deutschen frühbürgerlichen Revolution. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, Bd. 1, B., 1977, S. 273—303. 14. *Laube A.* Der Aufstand der Schwarzer Bergarbeiter 1525 und ihre Haltung im Tiroler Bauernkrieg. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, Bd. 2, B., 1978, S. 225—258. 15. *Lösche D.* Achtmänner. Ewiger Bund Gotes und ewiger Rat. Zur Geschichte der revolutionären Bewegung in Mülhausen in Th. (1523—1525). — Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, т. I, B., 1960, S. 135—162. 16. *Lösche D.* Probleme der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland. — Jahrbuch für Geschichte Bd. 2, B., 1967, S. 9—28. 17. *Mittezwei I.* Joachimstaler Aufstand 1525. Seine Ursachen und seine Folgen. — B., 1968.—146 S. 18. *Müller H.* Die Forderungen der Thüringischen Städte im Bauernkrieg. — In: Die frühbürgerliche Revolution..., S. 138—144. 19. *Oebmig S.* Bürgertum und Frühbürgerliche Revolution. — ZfG, 1976, H. 10, S. 1168—1170. 20. *Schildhauer Joh.* Das Anwachsen der plebejischen Schicht des Stadtbewölkerung im Ostseegebiet und deren Rolle in frühbürgerlichen Revolution in Deutschland. — In: Die frühbürgerliche Revolution..., S. 73—80. 21. *Steinmetz M.* Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland (1476—1535). — In: Die frühbürgerliche Revolution..., S. 7—16. 22. *Steinmetz M.* Deutschland von 1476 bis 1648. — B., 1965.—428 S. 23. *Straube M.* Die politischen, ökonomischen und sozialen Verhältnisse des Amtes Allstedt in der ersten Hälfte des 16. Jh. — In: Allstedt-Wirkungstätte Thomas Müntzers (Allstedt), 1975, S. 28—44. 24. *Vogler G.* Zur Entstehung und Bedeutung des Heilbronner Programms. — In: Die frühbürgerliche Revolution..., S. 116—125. 25. *Vogler G.* Marx, Engels und die Konzeption einer frühbürgerlichen Revolution in Deutschland. — ZfG, 1969, H. 6, S. 704—717. 26. *Vogler G.* Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk. — B., 1975.—138 S. 27. *Wei B. U.* Das Erfurter Pfaffensturme 1521. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, Bd. 3, B., 1979, S. 233—279.

Поступила в редколлегию 10.11.81.

А. А. ГАВРЮШЕНКО

ФИЛИПП МЕЛАНХТОН В МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СССР И ГДР 50-х — 70-х ГОДОВ

Реформация и Великая крестьянская война в Германии занимают центральное место в истории революционной борьбы позднего средневековья. Современная марксистская историография, опираясь на труды Ф. Энгельса, рассматривает бурное общественное движение в Германии первой четверти XVI в. как первую европейскую раннебуржуазную революцию. Вместе с тем Реформация, по словам известного историка из ГДР Л. Штерна, «явилась крупным и прочным вкладом в развитие культуры и в историю духовного развития Германии» [7, с. 14]. Многие крупные события в общественно-политической и культурной жизни Германии XVI в. неразрывно связаны с именем Филиппа Меланхтона (1497—1560) — видного гуманиста, реформатора и просветителя.

Дворянская, а затем и буржуазная историография рассматривала Меланхтона с конфессиональных и субъективно-идеалистических позиций. Поэтому, несмотря на обилие литературы о Меланхтоне [12], она не дает истинного представления о его взглядах и деятельности.

Впервые подлинно научную оценку личность Меланхтона получила в марксистской историографии. Наиболее интенсивно идеология и культура Германии XVI в., а вместе с тем — взгляды и деятельность Меланхтона, начинают изучаться марксистской историографией СССР и ГДР в 50-х — 70-х годах.

В настоящей статье ставится задача проанализировать в историографическом плане результаты этой работы, выявить спорные и нерешенные вопросы, наметить направления дальнейших исследований. Главное внимание уделяется изучению в марксистской историографии трех основных направлений деятельности Меланхтона, которые, вполне естественно, привлекают наибольшее внимание исследователей, а именно: Меланхтон как гуманист, реформатор и просветитель.

Рассмотрим как освещается в марксистской литературе первый из отмеченных аспектов.

Первое двадцатилетие XVI в. — период наивысшего развития немецкого гуманизма. Исследователи вполне обоснованно относят Меланхтона, наряду с Э. Роттердамским и И. Рейхлином, к числу ведущих немецких гуманистов [29, с. 1]. Первая попытка осветить с марксистских позиций основные факты и события, касающиеся гуманистической деятельности Меланхтона, была предпринята в 1952 г. Л. Штерном и М. Штейнмецем в статьях, приуроченных 450-летию Виттенбергского университета [28; 26]. С первых же работ историки-марксисты подвергли критике теологов, рассматривающих Меланхтона лишь как реформатора и соратника Лютера. Л. Штерн, убедительно показав, что Меланхтон был прежде всего гуманистом и просветителем, отнюдь не стремился идеализировать его и вполне обоснованно видел в нем «историческую личность в высшей степени противоречивую, сочетающую в себе в одно и то же время прогрессивные и реакционные черты» [28, с. 148].

Статья М. Штейнмеца касается деятельности Меланхтона-педагога и руководителя гуманистической реформой обучения в Виттенбергском университете в 1518—1521 гг. Сосредоточив все внимание на этом вопросе, автор излагает материал несколько оторванно от событий социально-экономической и политической жизни Германии.

В этой же статье М. Штейнмец дал общую характеристику вступительной речи Меланхтона «Об улучшении обучения студентов», которой последний начал свою 42-летнюю преподавательскую деятельность в университете [26, с. 127—130]. Исследователь отмечает несомненную гуманистическую направленность выдвинутой Меланхтоном в речи программы реформы

университетского обучения и оценивает ее как «генеральное наступление на схоластику» [26, с. 127]. В дальнейшем, к сожалению, анализу этого интересного выступления Меланхтона никто из историков-марксистов внимания не уделял.

Вместе с тем, временный подъем популярности Виттенбергского университета М. Штейнмец считает формальным решением вопроса о гуманистической образованности. По его мнению, в результате реформ Меланхтона «схоластика была разбита; Фома Аквинский, Оккам исключены из учебных программ. Но в то же время это было одновременно и возникновением новой теологии» [26, с. 131].

В начале 60-х годов, после конференции историков-марксистов ГДР в Вернигероде, отражая общее оживление интереса к духовной жизни Германии во время раннебуржуазной революции, появляется целый ряд работ, которые внесли существенный вклад в изучение Меланхтона-гуманиста. В 1960 г. общественность ГДР широко отметила 400-летие со дня смерти Меланхтона [16]. К этой дате исследователи из ГДР подготовили юбилейный сборник [17].

Значительный интерес для характеристики гуманистических взглядов Меланхтона представляет открывающая сборник статья Л. Штерна. Наряду с общей оценкой Меланхтона-гуманиста автор прослеживает влияние Э. Роттердамского на формирование его взглядов. Ранее этот вопрос в марксистской историографии не затрагивался. Л. Штерн отмечает, что Меланхтон «долго являлся носителем идеологической сигнатуры эразмического гуманизма» [30, с. 36] и считает, что именно под влиянием Эразма Меланхтон склонился к «религиозному гуманизму», который позволил ему сблизиться с Лютером.

При характеристике Меланхтона-гуманиста исследователи уделяют определенное внимание его философским и историческим взглядам.

Философская система Меланхтона сложилась полностью только после 1525 г. Основные ее положения подвергнуты анализу в статьях М. Штейнмеца [23; 22]. Отмечая «странное единство» в философии Меланхтона аристотеле-цицеронианских и лютеровских идей, античности и реформации, М. Штейнмец подчеркивает, что эта система может быть понята только «исходя из ситуации поражения раннебуржуазной революции в Германии» [23, с. 122].

Позитивное значение философской системы Меланхтона исследователи видят в том, что благодаря ей Меланхтон «получил возможность на почве Реформации сохранить широту античных и гуманистических образовательных идей и открыть для буржуазных интересов естественные науки» [22, с. 34]. На первый взгляд, с этой оценкой не согласуется отрицательное отношение Меланхтона к гелиоцентрической теории Коперника. Но Г. Фоглер показал, что это противоречие кажущееся.

Коперник для Меланхтона, подчеркивает Г. Фоглер, был не столько представителем нового учения, сколько «человеком, возродившим старую, давно отжившую «ошибку» античности» [31, с. 651].

Дворянские и буржуазные историки связывали с именем Меланхтона прогресс историографии в Германии XVI в. Историки-марксисты опровергают этот тезис. Общую характеристику деятельности Меланхтона-историка дали в своих работах Е. А. Косминский и О. Л. Вайнштейн [4; 1]. Рассматривая широко известную и неоднократно переиздававшуюся в XVI в. «Всемирную историю» Меланхтона, ученые приходят к единому мнению, что несмотря на гуманистическую форму и использование античных источников, эта работа написана в духе теологическом [4, с. 92].

Характеристика Меланхтоном Каролингского ренессанса в курсе всемирной истории стала предметом специального исследования Б. Шрейер — Мюльпфордт. Повышенный интерес Меланхтона к этому периоду автор связывает с тем, что Меланхтон видел в Карле Великом «идеального правителя, осуществившего синтез религии и образования», к достижению чего всеми силами стремился и Меланхтон [20, с. 81].

В целом историки оценивают Меланхтона-историка не как «пионера, прокладывающего путь будущему, а как человека, завершающего эпоху» [25, с. 154].

Общим недостатком большинства работ о Меланхтоне-гуманисте является их слабая источниковедческая база. До сих пор в марксистской историографии нет исследований об эволюции гуманистического мировоззрения Меланхтона на протяжении всей его жизни.

Немецкий гуманизм сыграл большую роль в идеологической подготовке Реформации. Но в ходе ее между представителями гуманизма и реформации возникли разногласия. Поэтому для объективной оценки Меланхтона очень важно разобраться в вопросе о соотношении этих двух крупных идеологических течений. К единому мнению исследователи пока не пришли. Л. Штерн решил эту проблему несколько категорично: «Гуманизм в Германии «...» с победой Реформации погиб» [28, с. 120]. Здесь прослеживаются отголоски выводов классической работы немецкого буржуазного историка Л. Гейгера [2]. Но весь материал, который приводит Л. Штерн, говорит не о гибели гуманизма, а скорее о его трансформации. О. Л. Вайнштейн считал, что «гуманизм и Реформация оказались несовместимы» [1, с. 319]. Но этот общий вывод основывался лишь на анализе различного отношения гуманистов и реформаторов к государственной власти. Другие противоречия между ними не принимались автором во внимание. По мнению М. Штейнмеца, «гуманизм и Реформация не являются противоположными движениями» [22, с. 34], хотя во многих принципиальных моментах

они различаются. Автор считал, что и гуманизм, и Реформация отражали зарождение идеологии формировавшегося в недрах феодального общества нового класса буржуазии.

В оценке значения деятельности Меланхтона для лютеровской реформации все исследователи едины: только при помощи Меланхтона Лютер смог дать своему учению теологически обоснованный фундамент [28, с. 108].

Помимо работ Л. Штерна [28; 30] и М. Штейнмеца [21], дающих общую характеристику Меланхтона-реформатора, исследователи-марксисты рассматривали отдельные аспекты его реформационной деятельности также в конкретно-историческом плане.

В конце 40-х годов М. М. Смирин осветил отношение Меланхтона к так называемым цвиккауским «пророкам» в период виттенбергского движения 1521—1522 гг., знаменовавшего раскол единого лагеря Реформации. По его мнению, Меланхтон (как и Лютер) видел в цвиккауских «пророках» идеологов «новой враждебной им народной партии, по-своему понимающей реформацию» [5, с. 43]. С такой же оценкой мы встречаемся в работе Л. Штерна [30, § 3]. Но этот вывод М. М. Смирин и Л. Штерна недостаточно аргументирован.

В монографии А. Мейзеля непослудовательное поведение Меланхтона по отношению к пропаганде «пророков» расценивается как свидетельство того, что «противоречия между умеренной и радикальной, княжеской и народной реформацией были еще достаточно неразвиты» [18, с. 76].

Этот тезис находит свое продолжение и развитие в статье Ю. А. Голубкина. Автор показал, что оценка «пророков» как идеологов народной Реформации базируется на легенде, созданной после поражения Великой крестьянской войны сторонниками Лютера. Стремясь опровергнуть утверждения католиков о революционном характере лютеровской Реформации, и исходя из того, что во время своей деятельности в Цвиккау «пророки» были связаны с будущим вождем крестьянско-плебейского лагеря Т. Мюнцером, протестанские авторы объявили цвиккауских «пророков» родоначальниками всех мятежей в Германии. Анализируя источники, Ю. А. Голубкин приходит к выводу, что Меланхтона и Лютера в 1521—1522 гг. тревожили не новые идеи «пророков», в которых они не усматривали чего-то опасного, а их «революционная деятельность в Цвиккау, которая могла продолжиться и в Виттенберге» [3, с. 98]. Автор также показывает тенденциозность легенды протестантских историографов.

М. М. Смирину и М. Штейнмецу принадлежит основная заслуга в характеристике отношения Меланхтона к идеологии народной Реформации Т. Мюнцера [5, 24; 25; 27]. Главную опасность Мюнцера, отмечал М. М. Смирин, Меланхтон видел не в том, что «Мюнцер организовал крестьянское восстание, а в значении мюнцеровской трактовки реформации» [5, с. 228].

М. Штейнмец в ряде работ осветил участие Меланхтона в создании антиреволюционного, угодного княжеской реформации облика Мюнцера в историографии XVI в. Он подверг аргументированной критике основные работы дворянских и буржуазных историков, которые отвергают мысль о принадлежности известного памфлета «История Томаса Мюнцера» перу Меланхтона [24, с. 139—153]. Мнение М. Штейнмеца об авторстве Меланхтона поддерживают и другие историки из ГДР, занимавшиеся изучением этого вопроса [28, с. 32; 10, с. 487].

Советские историки придерживаются иного мнения. М. М. Смирин считал, что памфлет создал кто-то из ближайшего окружения Меланхтона [5, с. 222, 229]. Но вместе с тем все историки видят в памфлете важное идеологическое оружие в острой политической борьбе, инструмент сознательной борьбы с духом Мюнцера [6, с. 313].

Классовая ограниченность гуманизма, непонимание гуманистами социальных проблем ярко проявилось также и в отрицательном отношении Меланхтона к Великой крестьянской войне. Наиболее детальный анализ этой темы дан в статье В. Цельнера. Он подробно рассматривает написанное Меланхтоном опровержение 12 статей («Widder die articel der Bawrschafft») и приходит к выводу, что Меланхтон «недвусмысленно показал себя сторонником господствующих классов» [32, с. 181]. В работе предпринята интересная попытка выявить различие между критикой Крестьянской войны Меланхтоном и Лютером. Это различие В. Цельнер видит в том, что Лютер был и оставался теологом; его критика проникнута «яростью проповедника слова и воли господней». Меланхтон же пытался доказать «неправоту» требований крестьян логическим путем [32, с. 184].

В целом же роль Меланхтона в Реформации и Крестьянской войне освещена пока в марксистской историографии недостаточно. Целые десятилетия жизни Меланхтона, особенно 30-е — 50-е годы, остаются вне поля зрения исследователей. Более ранний период освещен неравномерно, при этом ряд важных вопросов, как, например, причины быстрого сближения Меланхтона с Лютером, решен чисто схематично.

Говоря о степени изученности последней темы — Меланхтон-просветитель — необходимо отметить, что задача быстрой реорганизации школ и университетов выдвигается на передний план одновременно со становлением новой лютеранской церкви.

Деятельность Меланхтона как педагога и организатора новой системы образования, за что он получил почетное звание «Praeceptor Germaniae» («Учитель Германии») нашла отражение в значительном количестве работ как специального [26; 28; 9, 30], так и общего характера [13; 19].

Свое решение в целом эта тема получила в работах Л. Штерна [28; 30]. Рассматривая основные моменты подвижнической

деятельности Меланхтона по созданию новой школы в Германии и высоко оценивая эту деятельность, автор вскрывает и социальную подоплеку этой деятельности: Меланхтон выполнял социальный заказ князей, на службе у которых находились как новая церковь, так и новая школа [30, с. 56]. Необходимо отметить, что работы Л. Штерна не основаны на самостоятельном изучении источников, хотя и дают интересную интерпретацию фактов. Основные положения его исследований дополняются и углубляются в статьях Э. Нейса и Ф. Хофмана [19, 13].

Э. Нейс посвящает свое исследование деятельности Меланхтона в области школьного образования. По достоинству оценивая большую работу Меланхтона, благодаря которой Саксония превратилась в «педагогическую провинцию» и выгодно отличалась от других немецких земель, автор одновременно указывает и на процесс выхолащивания понятия гуманистического образованности при сохранении формы.

Ф. Хофман, исследуя педагогическую деятельность Меланхтона, объединившую богатые знания Ренессанса с традиционной системой «*septem artes*», приходит к заключению, что возникшая компромиссная система была способна удовлетворить и растущую буржуазию, и князей.

В изучении темы «Меланхтон и университеты» основная заслуга принадлежит М. Штейнмецу [26; 23; 22]. Он считает, что созданная Меланхтоном концепция протестантских университетов определила «университетскую историю в протестантской Германии и протестантской Европе на столетия» [23, с. 121].

Некоторые исследователи обращают внимание на роль Меланхтона в организации исторического образования. При этом отмечают как позитивную, так и негативную стороны этой деятельности гуманиста. С одной стороны, пропагандируемое и интенсивно внедряемое Меланхтоном преподавание истории служило средством борьбы против схоластики и папства [26, с. 128]. С другой — интерес к истории в системе протестантского образования преследовал вполне определенную цель — «вооружение проповедников «евангелического христианства» материалом для практических уроков в области политики и этики» [1, с. 343].

В целом высоко оценивая достижения Меланхтона как просветителя, исследователи указывают, что попытка синтеза гуманизма и реформации Меланхтону не удалась, да и не могла удалась. Но как несомненную заслугу Меланхтона они отмечают спасение им всего того, что можно было еще спасти после поражения раннебуржуазной революции для немецкого бюргерства в области образования [23, с. 124].

Таким образом, марксистская историография СССР и ГДР, показав научную несостоятельность характерного для буржуазных исследователей конфессионального и субъективно-идеалистического подхода к изучению Меланхтона, рассматривает

его взгляды и деятельность в неразрывной связи с основными процессами истории Германии XVI в. Исследователи-марксисты в 50-х — 70-х годах дали глубокую общую оценку деятельности Меланхтона как гуманиста, реформатора и просветителя. С подлинно научных позиций решен сложный вопрос о соотношении гуманистической и реформационной деятельности этой универсальной личности.

Наряду с высоким теоретическим уровнем рассмотренных работ, необходимо отметить недостаточное использование исследователями для аргументации своих выводов произведений и обширного эпистолярного наследия Меланхтона. Дальнейшее изучение личности Меланхтона на данном этапе в определенной степени сдерживается недостаточной конкретно-исторической изученностью многих важных периодов его жизни.

Углубленное исследование жизни и деятельности Меланхтона «без всякой насильственной актуализации», — как было подчеркнуто во время празднования 400-летия со дня его смерти, — является по-прежнему актуальным [16, с. 1171].

Список литературы: 1. *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. — М.: Наука, 1964.—483 с. 2. *Гейгер Л.* История немецкого гуманизма. — СПб, 1899.—280 с. 3. *Голубкин Ю. О.* До питания про роль пвікауських «пророків» у вітенберзькому русі 1521—1522 років. — Вісн. Харк. ун-ту, 1975, № 118. Історія, вип. 9, с. 93—99. 4. *Косминский Е. А.* Историография средних веков. — М.: Изд-во МГУ, 1963.—430 с. 5. *Смирин М. М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. — М.: Изд-во АН СССР, 1947.—532 с. 6. *Смирин М. М.*, Володарский В. М. Рец. на кн.: М. Steinmetz. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin. — Средние века, 1972, вып. 35, с. 312—315. 7. *Штерн Л.* Идеологическая и политическая роль Реформации в прошлом и настоящем. — В кн.: Ежегодник германской истории, 1968. М.: Наука, 1969, с. 12—27. 8. *Biographisches Lexikon zur deutschen Geschichte.* Von der Anfängen bis 1945. Hrsg. von K. Obermann, H. Scheel u. a. — Berlin, 1970.—770 S. 9. *Fläschendrager W.* Die Reformation und die deutschen Universitäten. — In: Weltwirkund der Reformation. Referate und Diskussion. Berlin, 1969, S. 453—459. 10. *Flugschriften der Bauernkriegszeit.* — Berlin, 1978.—670 S. 11. *Geschichte der deutschen Literatur von 1480 bis 1600.* — Berlin, 1960.—541 S. 12. *Hammer W.* Die Melanchthonforschung im Wandel der Jahrhundert. (1519—1965). 2 Bde. — Gütersloh, 1967—1968. 13. *Hoffmann F.* Philipp Melanchthon und die zentralen Bildungsprobleme des Reformationsjahrhunderts. — In: Philipp Melanchthon. Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. Berlin, 1963, S. 83—109. 14. *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution.* — Berlin, 1974.—416 S. 15. *Karpe G.* Philipp Melanchthon. — Wiss. Zeitschr. der Friedrich-Schiller-Univ. Jena. Ges. und Sprachwiss. Reihe. 1956, H. 1, S. 61—72. 16. *Meier H.* und Voigt G. Die Melanchthon — Ehrung der DDR (19.—21. April 1960). — ZfG, 1960, H. 5, S. 1167—1172. 17. *Philipp Melanchthon. Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae.* — Berlin, 1963.—315 S. 18. *Meusel A.* Thomas Müntzer und seine Zeit. — Berlin, 1952.—336 S. 19. *Neuss E.* Melanchthons Einfluß auf das Gymnasialschulwesen der mitteldeutschen Städte im Reformationszeitalter. — In Philipp Melanchthon... Berlin, 1963, S. 110—137. 20. *Schreyer-Mühlpfordf B.* Die Karolingerzeit im Blickfeld deutscher Humanisten. — In: Philipp Melanchthon... Berlin, 1963, S. 73—82. 21. *Steinmetz M.* Deutschland von 1476 bis 1648. — Berlin, 1978.—470 S. 22. *Steinmetz M.* Humanism i reformacja — niemiecki renesans. — Odrodzenie reformacja w Polsce. Wroclaw, 1976, t. 21, s. 29—40. 23. *Steinmetz M.* Die

Konzeption der deutschen Universitäten im Zeitalter vom Humanismus und Reformation. — Les Universités Européennes du XVI-e au XVIII-e Siècle. — Geneve, 1967, S. 114—128. 24. Steinmetz M. Philipp Melanchthon, über Thomas Müntzer und Nikolaus Storch. — In: Philipp Melanchthon... Berlin, 1963, S. 138—173. 25. Steinmetz M. Das Müntzerbild von Marthin Luther bis Fridrich Engels. — Berlin, 1971. — 500 S. 26. Steinmetz M. Die Universität Wittenberg und der Humanismus (1502—1521). — In: 450 Jahre Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Halle-Saale, (1952), S. 103—139. 27. Steinmetz M. Zur Entstehung der Müntzerlegende. — In: Beiträge zum neuen Geschichtsbild. Berlin, 1956, S. 35—70. 28. Stern L. Martin Luther und Philipp Melanchthon — ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. — Berlin, 1953. — 158 S. 29. Stern L. Philipp Melanchthon-Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. — Wiss. Zeitschr. der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Ges. und Sprachwiss. Reihe. 1961, H. 1, S. 1—8. 30. Stern L. Philipp Melanchthon — Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. — In: Philipp Melanchthon... Berlin, 1963, S. 1—72. 31. Vogler G. Copernicus in den geistigen Auseinandersetzungen seiner Zeit. — ZfG, 1973, H. 6, S. 637—655. 32. Zöllner W. Melanchthons Stellung zum Bauernkrieg. — In: Philipp Melanchthon... Berlin, 1963, S. 174—189.

Поступила в редакцию 25.10.81

А. В. ШМАЛЬКО

ЛУКИАН КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВИФИНИИ-ПОНТА

Лукиан из Самосаты по праву считается одним из самых выдающихся писателей античности. Произведения этого «Вольтера классической древности» [1, с. 469] всегда привлекали пристальное внимание историков. Его высоко ценил Ф. Энгельс и использовал данные сирийского писателя для характеристики первых христианских общин [1, с. 469—470]. Советские историки неоднократно обращались к творчеству Лукиана, подчеркивая важность и ценность его сведений для изучения истории Римской империи [2, с. 130; 5, с. 424—426; 6, с. 509, 514]. При этом основное внимание уделяется той части творчества Лукиана, которая посвящена истории христианства [8, с. 347—352; 2, с. 130—132].

Произведения Лукиана позволяют получить самые широкие сведения о различных сторонах жизни римского государства, особенно о восточных провинциях, которые уроженец Самосаты знал очень хорошо. Но эта сторона творчества Лукиана значительно меньше привлекала внимание историков. Данные Лукиана по истории Малой Азии использовала М. И. Максимова, исследовавшая вопрос о проникновении в этот район христианства [5, с. 424—426]. Вместе с тем, хотя Лукиан не писал отдельных трудов по экономическим и социальным вопросам, изучение его творчества поможет раскрыть многие аспекты истории провинций римского Востока.

Целью данной работы является привлечение данных Лукиана для изучения социально-экономической и идеологической истории одной из наименее исследованных провинций Римской империи — Вифинии-Понта.

На территории Вифинии-Понта происходит действие известного произведения Лукиана «Александр или лжепророк». Хотя его сюжет далек от экономических вопросов, Лукиан довольно часто приводит точные характеристики экономике района. В основном описываются небольшие города Южного Причерноморья, в особенности Абонутейх (Ионополис), однако иногда Лукиан упоминает и крупные центры. Он характеризует Халкедон, «как город, всегда наполненный торговым людом и расположенный по соседству с Фракией и Вифинией, недалеко от Азии, Галатии и всех соседних народов» [4, AL., 9]. Небольшие города Вифинии, подобные Абонутейху, показаны очень спокойными, лишенными активных связей с внешним миром. Каждый новоприбывший в таких городах вызывал интерес всего населения [4, AL., 12—13]. Местные жители-пафлагонцы очень богаты [4, AL., 8—9], однако совершенно очевидно, что речь идет лишь о некоторых из них. Так, Александр установил за пророчество сравнительно невысокую плату — драхма и два обола [4, AL., 23], что указывает на низкие платёжные возможности населения. Лишь для наиболее «знатных, богатых и щедрых» устанавливалась повышенная плата [4, AL., 26]. При известии о появлении бога Асклепия местные жители в первую очередь молят его о богатстве и достатке [4, AL., 14]. Неуверенностью в завтрашнем дне объясняется и то, что к оракулу обращаются «по десять и пятнадцать раз» [4, AL., 23]. Вместе с тем в районе были действительно состоятельные жители, для которых Александр устраивал специальные представления [4, AL., 26]. Пожертвования позволяли храму получать в год до 80 тысяч драхм [4, AL., 23].

Социально-политическая обстановка Вифинии-Понта характеризуется Лукианом как весьма неустойчивая. Частыми явлениями были побегі рабов и разбои [4, AL., 24]. О «разбоях» в Южном Причерноморье упоминал еще Страбон [12, XII, 3, 16; XII, 8, 9]. За прошедшие со времени написания «Географии» полтора века обстановка не изменилась, что говорит о продолжавшейся социальной и классовой борьбе в Вифинии-Понте. Борьбсь с побегамі рабов, очевидно, было очень трудно, поскольку по этому вопросу обращались к оракулу [4, AL., 24]. О накаленности обстановки в районе свидетельствует и легкая возбудимость толпы, способной на самосуд над безбожниками, эпикурейцами и христианами [4, AL., 25, 38, 45]. Стихийное недовольство народа лжепророки вроде Александра использовали в своих корыстных целях.

Лукиан свидетельствует, что эллинизация Вифинии-Понта в этот период достигла значительного уровня, жители говорили по-гречески даже в небольших городах. По-гречески вещал и оракул Александра. Все же автор различает греков и местных жителей прежде всего по уровню культуры [4, AL., 8—9]. На первый взгляд, Лукиан отзывается о местных жителях как

о людях малообразованных и суеверных, готовых поверить в любое «чудо» [4, AL., 9, 13—15]. Однако деятельность Александра вскоре вызвала протесты, «многие из тех, кто имел разум, опомнившись, точно от глубокого опьянения, восстали против него» [4, AL., 25]. В районе было много передовых людей, эпикурейцев и «безбожников», вызывавших ненависть у «пророка» [4, AL., 45]. Благоволя к подобным «пророкам», местные власти допускали попытки самосуда над передовыми людьми и даже не препятствовали сожжению произведений Эпикура на костре [4, AL., 45—47]. Они действовали совместно с римской администрацией, поддерживавшей Александра [4, AL., 30, 57]. О влиянии местных культов на римлян свидетельствует участие их в мистериях [4, AL., 39], а также слепая вера многих даже очень влиятельных римлян в «чудеса» [4, AL., 30]. Определенное влияние было оказано даже на императора, переименовавшего город по просьбе Александра и верившего в его пророчества [4, AL., 48]. Это подтверждает мнение историков о том, что во II в. восточные, в том числе малоазийские, культы прочно укоренились в Италии и иных районах империи [13, с. 333—335]. Примечательно, что Александр посылал свои пророчества не только в Италию [4, AL., 36], но и к «варварам» [4, AL., 51].

Религиозные верования Вифинии-Понта в этот период были весьма синкретичны [3, с. 205]. Культы Асклепия были присущи многие восточные черты, Асклепий-Гликон имел вид змеи с человеческой головой [4, AL., 15]. Такое изображение греческого бога было характерным для Малой Азии, где в виде змеи почиталась также Мать Богов — Ангдистис [3, с. 12]. Популярность святилища Асклепия в Абонутейхе в числе прочих обстоятельств объяснялась, по-видимому, близостью культов Асклепия и Ангдистис, на что обратил внимание еще Страбон [12, XII, 5, 3]. Эти боги иногда почитались вместе [3, с. 12]. На популярность в Вифинии-Понте культа Великой Матери указывает и Лукиан [4, AL., 13]. Вместе с тем в районе получило распространение и христианство, хотя высказывание Александра о том, что «Понт наполнился «...» христианами» [4, AL., 25], представляется все же полемическим преувеличением. Характерно, что отношение к христианам со стороны служителей местных культов было откровенно враждебным. Антихристианские призывы включались в мистерии в честь Асклепия [4, AL., 39].

Отношение римской администрации к деятельности Александра неоднозначно. Вначале власти пытались навести определенный порядок [4, AL., 57], но под влиянием римлян — поклонников «пророка» вроде наместника Рутиллиона [4, AL., 30, 57] и, очевидно, местной знати стали выгораживать Александра от суда и фактически отдали его противников на рас-

праву фанатикам. В этом проявилось не только воздействие восточных культов на римлян, но и стремление властей не сосориться с влиятельным жречеством и верхушкой провинциальной знати. Таким образом, союз Рима с местной знатью во II в. еще более укрепился.

Очень полно и интересно в «Александре или лжепророке» показана деятельность крупного малоазийского храма, каким стало место почитания Асклепия-Гликона. Он был достаточно велик, имел несколько помещений, в том числе святилище [4, AL., 18—19]. Штат храма состоял из самого пророка, специальных «подглядывателей» за написанием вопросов к Асклепию, составителей и хранителей изречений «бога», секретарей и толкователей. Все они получали значительное вознаграждение [4, AL., 23]. Храм имел своих агентов в различных районах империи, в том числе в Италии. В их обязанности входило распространять слухи о «чудесах» и доносить о настроениях народа [4, AL., 24, 37]. Ежегодно устраивались трехдневные мистерии, в которых сочетались греческие и восточные элементы [4, AL., 38]. Все это было возможно благодаря огромным храмовым доходам, достигавшим 80 тысяч драхм в год [4, AL., 23]. Храм субсидировал выпуск монет с изображением Асклепия-Гликона и «пророка» [4, AL., 58].

Данные о храме Асклепия свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторое сокращение влияния храмов в Малой Азии [12, XII, 5, 1—2], жрецы продолжали пользоваться там значительными богатствами и авторитетом, причем не только в глубинных районах, но и на побережье Понта. К приводимым в ряде работ [3, с. 16—17] словам Страбона о сильном уменьшении храмовых доходов и преимуществ, связанных с жреческим званием [12, XII, 5, 3], следует относиться в свете вышеизложенных фактов со значительной осторожностью. Однако храм Асклепия-Гликона не имел значительных земельных владений, что существенно отличает его от храмовых хозяйств более раннего периода [12, XII, 3, 34].

В этом произведении Лукиана содержится также ряд интересных исторических фактов. Это касается римских военных походов [4, AL., 48—49], преследований христиан в Понте. Очень интересно упоминание автора о его встрече с боспорскими посланцами, «плывшими» от царя Евпатора в Вифинию для доставки ежегодной дани» [4, AL., 57]. Таким образом, во второй половине II в. связи Рима с Боспором осуществлялись через Вифинию, как это практиковалось ранее [7, X, 63—64]. Данные эти подтверждают мысль И. М. Ростовцева о том, что политические связи осуществлялись через Южное Причерноморье, хотя военные силы на Боспор посылались из Мезии [10, с. 130].

Сведения о Вифинии-Понте содержатся и в других произведениях Лукиана. В «Беглых рабах» говорится о бежавших из Синопы рабах-пафлагонцах, выдававших себя за философов.

киников [4, 3—4]. Несмотря на очевидную сатирическую направленность этого произведения, описываемые факты представляются возможными, учитывая сведения Плиния о рабах, вступавших в римскую армию или в штат городских служителей [7, X, 29—30, 31—32]. Сведения Лукиана говорят о наличии среди синопских рабов уроженцев Пафлагонии, а также о методах розыска беглых, поскольку в «Беглых рабах» приводится текст объявления о бежавших рабах с указанием их примет.

В известном произведении «Как писать историю» дается резкая критика провинциальных историков-льстецов, стремившихся прославить императора и писавших хвалебные труды о еще не одержанных победах, как это сделал некий Деметрий из Сагалассы, сочинивший труд о победоносной войне с парфянами [4, 32]. Эти сведения дают представления о методах, с помощью которых местные уроженцы стремились выдвинуться и отличиться в глазах римских властей. В этой связи интересно вспомнить свидетельство Страбона о быстрой карьере риторов из Малой Азии, получивших высокие посты благодаря своему красноречию [12, XII, 8, 9].

В произведении Лукиана «О кончине Перегрина» упоминается факт дарения Перегрином городу земли стоимостью около 15 талантов [4, Рег., 14—15], что говорит о наличии подобной практики в городах Южного Причерноморья. Можно сделать вывод о значительном богатстве местной верхушки, поскольку 15 талантов — лишь меньшая часть имевшегося первоначально у дарителя имущества [4, Рег., 14]. Такой дар невозможно было взять назад, император выступал в защиту собственности города [4, Рег., 16], что говорит о поддержке императорской властью городов Малой Азии, как опоры римского влияния в районе, о чем неоднократно писали историки [9, с. 71; 11, с. 19]. В начале II в. провинциалы решали спорные вопросы у наместника провинции, который обращался в случае необходимости к императору [7, X, 58—60, 74, 81—82, 110—111]. Во время Лукиана горожане могли обращаться непосредственно к императору, причем ничто не говорит о том, что они имели римское или латинское гражданство [4, Рег., 16]. Таким образом, права провинциального населения во II в. постепенно расширялись в связи с ростом значения провинций в жизни империи.

Произведения Лукиана дают широкую картину жизни малоазийских провинций, в том числе Вифинии-Понта. На основании данных Лукиана можно сделать вывод о широких экономических и культурных связях района, о наличии в городах богатой верхушки, в том числе влиятельного жречества, с которым римские власти стремились сохранять хорошие отношения. Вместе с тем положение народных масс оставалось тяжелым. Частыми явлениями были побеги рабов и разбои. Неуве-

ренность в завтрашнем дне приводила местное население к увлечению различными культами, как традиционными, так и новыми, в том числе христианством. Творчество Лукиана свидетельствует о начале упадка космополитической империи, все более терявшей свой римский характер.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* Из истории первоначального христианства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 465—492. 2. *Бокищанин А. Г.* Источниковедение истории Древнего Рима. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.—160 с. 3. *Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I—III вв. — М.: Наука, 1977.—240 с. 4. *Lucianus. Opera.* Ed. Jасovitz. I—III — Lipsiae, 1866—1872. 5. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. — М., Л.: Наука, 1956.—472 с. 6. *Машкин Н. А.* История Древнего Рима, — М.: Политиздат, 1948.—679 с. 7. *Плиний Младший.* Письма. Панегирик. — М., Л.: Наука, 1950. — 579 с. 8. *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940.—402 с. 9. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. — М., Л.: Наука, 1949.—262 с. 10. *Ростовцев М. И.* Вифиния, Понт и Боспор. — Русский исторический журнал, 1917, № 1—2, с. 111—130. 11. *Смирнова И. К.* Политика Траяна в провинции Вифинии-Понт (к оценке особенностей провинциальной римской политики в эпоху принципата): Автореферат. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978.—20 с. 12. *Страбон.* География в 17-книгах/Пер. Г. Стратановского. — Л.: Наука, 1964.—943 с. 13. *Turcan R.* Origines et sens de l'inhumation a l'époque impériale. — Revue des études anciennes, t. LX, № 3—4, 1958, p. 323—347.

Поступила в редколлегию 03.12.82.

И. П. СЕРГЕЕВ

К ВОПРОСУ ОБ «АНТИСЕНАТОРСКОЙ ПОЛИТИКЕ» СЕПТИМИЯ СЕВЕРА

Обострение противоречий внутри господствующего класса Римской империи в конце II в. н. э. привело к возникновению гражданской войны, длившейся с 193 по 197 г. Победителем из нее вышел ставленник средних и мелких собственников империи и близких к ним по интересам армейских кругов — Септимий Север. Поскольку во время гражданской войны часть сенаторов выступила на стороне одного из соперников Севера — Клодия Альбина, Север после победы над этим защитником интересов крупных собственников и знати Запада империи казнил довольно большое количество членов сената и конфисковал их имущество [6, с. 76, 8, 3—4; 7, III, 8, 8, V. Sev. IX, XII, XIII, V. Nig. VI, V. ALB. XII]. В годы своего правления Септимий Север осуществил много реформ, часть из которых привела к дальнейшему падению роли сената и сенаторов в жизни римского государства. Поэтому просенатски настроенные современники Севера — Дион Кассий и Геродиан изображают его в своих трудах как врага сената и senatorского сословия.

Мнение о враждебности отношений между императором и сенатом при Септимии Севере господствует и в современной

советской и зарубежной историографии древнего Рима [1, с. 731; 3, с. 494; 4, с. 148—150; 13, с. 256; 17, с. 480—481]. Была даже высказана мысль, что при Севере прекратилось существование установившейся со времен Августа диархии императора и сената и на смену ей пришла военная монархия [2, с. 198; 18, с. 669].

Однако имеется и другая точка зрения. Ее сторонники, привлекая данные эпиграфических источников, на которые многие исследователи обращали недостаточно внимания, предлагают пересмотреть оценку взаимоотношений между Септимием Севером и сенаторами [10, с. 114; 15, с. 254], поскольку древние авторы, освещавшие правление Севера, могли необъективно отразить его деятельность.

В данной статье делается попытка ответить на вопрос: можно ли объяснить наиболее «антисенаторские» действия Севера чем-либо иным, кроме его враждебности к сенаторам и сенату в целом?

Действительно, в годы правления Септимия Севера были казнены многие члены сената, конфискованное имущество которых существенно увеличило императорскую казну. По подсчетам Г. Альфёльди, при Севере было казнено 38 сенаторов, не считая его конкурентов в борьбе за императорскую власть в годы гражданской войны 193—197 гг. и их сыновей [10, с. 122]. Уже одного факта пролития крови сенаторов было достаточно для того, чтобы авторы такого источника, как «Писатели истории Августов», отнесли Севера к разряду «плохих» императоров.

Однако выяснение причин казни этих сенаторов показывает, что они погибли не по причине их принадлежности к сенаторскому сословию, а в связи с участием в действиях против Севера или по подозрению в этом участии. Три из них было казнены в 193 г. как сторонники Дидия Юлиана; 29 — в 197 г. за выступление на стороне Клодия Альбина; четыре из шести оставшихся, включая возведенного в ранг сенаторов префекта претория Фульвия Плавциана, — в 205 г., по всей вероятности, в связи с заговором Плавциана против Севера и его сыновей [10, с. 154—155]. Таким образом, за 18 лет правления Септимия Севера только два сенатора были казнены по неизвестным причинам.

В качестве показателя стремления Септимия Севера уменьшить роль сенаторов в управлении провинциями и армией некоторые исследователи называют тот факт, что при нем во главе вновь образованной провинции Месопотамии и трех новых легионов (I, II, III Parthicae) были поставлены не легаты-сенаторы, а префекты-всадники [17, с. 399; 21, с. 67]. Ряд историков, рассматривая вопрос об организации управления Месопотамией, указывают на то, что она была поставлена по образцу управления Египтом [13, с. 256; 16, с. 78, 115]. Однако, на наш взгляд, назначение всадников на посты наместника провинции

Месопотамии и командиров новых легионов было вызвано другими причинами и преследовало иные цели, чем в Египте.

Проведение Августом в 30 г. до н. э. преобразований в Египте имело явно антисенаторскую направленность. В условиях еще не полностью законченной гражданской войны он боялся доверить сенатору командование большой армией, оставшейся в Египте (три легиона, девять пехотных когорт вспомогательных войск и три кавалерийских когорты вспомогательных войск [13, с. 39]), и управление самой страной, имевшей в дальнейшем большое значение в деле снабжения продовольствием Италии и Рима. Другими словами, оставляя во главе Египта и войск в нем всадника, Август заботился о собственной безопасности. С этой же целью он запретил сенаторам приезжать в Египет без особого разрешения императора [15, с. 2, 59; 6, с. 51, 17, 1—3].

Назначение же всадников на высшие посты в Месопотамии, как нам представляется, было вызвано другими обстоятельствами. Еще в период маркоманских войн перед Марком Аврелием остро встала проблема кандидатур на командные посты в римской армии. Война с Парфией в первые годы правления этого императора и события маркоманских войн показали слабую подготовленность части сенаторов для командования крупными военными силами. Практический опыт ведения военных действий сыновья сенаторов приобретали, будучи в должности трибуна легиона, которую они иногда занимали всего лишь в течение шести месяцев [15, с. 244—245]. Как отмечает М. Хэммонд, среди сенаторов к концу II в. н. э. значительную часть составляли крупные землевладельцы из провинциалов. Им были чужды старые республиканские традиции, их больше волновали вопросы управления своими имениями, а не римским государством. Военная служба для таких сенаторов была лишь обязательным этапом сенаторской карьеры. Усложнившаяся же во второй половине II в. н. э. обстановка на границах Римской империи требовала, чтобы командные посты в римской армии занимали профессиональные военные, имеющие большой военный опыт и понимающие нужды армии [15, с. 451]. Поэтому уже Марку Аврелию было трудно найти среди сенаторов командиров для провинциальных армий в два — три легиона. Для занятия поста наместника провинции с двумя и более легионами нужны были сенаторы консулярского ранга в возрасте старше 40 лет. До образования Месопотамии в составе Римской империи было девять таких провинций. Даже после того, как при Септимии Севере состав сената был увеличен до 1000 чел. [12, с. 419; 14, с. 77], среди них только 25—30 чел. отвечало необходимым требованиям [11, с. 243]. То есть примерно каждый третий из этих сенаторов должен был обладать способностями для командования армией в 20—40 тыс. чел.

При Септимии Севере эта проблема стала еще сложнее. С образованием провинции Месопотамии и набором новых легионов сенаторских военных постов становилось больше, а кандидатуры для них подобрать стало труднее. Одни сенаторы, как уже указывалось, были казнены; другие погибли в ходе гражданской войны 193—197 гг., часть сенаторов — сторонников Песценния Нигра и Клодия Альбина, была Севером помилована, но он, естественно, не мог доверить им командование значительными военными силами. Видимо, этими обстоятельствами, а не враждебностью Севера к сенаторам, следует объяснять назначение всадника на пост наместника Месопотамии. Понятно, что наместнику-всаднику должны были подчиняться и всадники-командиры легионов этой провинции. Один из трех новых легионов (II Parthica) находился в Италии и в конечном итоге был под началом префекта претория. Чтобы легат этого легиона из сенаторов не подчинялся всаднику-префекту претория, во главе него был также поставлен всадник [15, с. 132]. Конечно, Север мог произвести всадников в ранг сенаторов (что он, впрочем, и делал [23, с. 287]), а потом назначать их на посты легатов легионов и новой провинции. Но проще было выбирать кандидатуру на эти должности среди имевших значительный военный опыт всадников.

В пользу такого предположения о причинах назначения на высшие посты Месопотамии всадников говорит тот факт, что во главе старых провинций и легионов по-прежнему оставались сенаторы. Если бы Север действительно стремился уменьшить роль сенаторов в деле руководства провинциями и армией, он мог бы заменить их всадниками в Сирии или Британии при изменении их административного устройства. Вероятно, здесь сыграла свою роль и особенность стратегического положения новой провинции: она граничила с главным противником Рима на Востоке — Парфией, поэтому ее наместник должен был быть опытным полководцем. Следовательно, назначая наместником Месопотамии всадника, Септимий Север, в отличие от Августа, заботился о безопасности восточных владений Римской империи, а не своей собственной.

О враждебности Септимия Севера к собственному сенату, на первый взгляд, говорит возрастание значения императорского совета в управлении государством и усиление роли всадников в этом совете [22, с. 73]. Однако не следует забывать, что этот процесс начался задолго до правления Севера. Естественно, что при Севере его развитие продолжалось. При этом необходимо учитывать, что за все годы своего правления Септимий Север совсем небольшой период времени находился в столице империи, а следовательно, просто не мог решать назревавшие вопросы совместно с сенатом. К тому же сам сенат по численному составу участников его заседаний мало чем отличался от императорского совета. В период Империи ясно просматривается

падение интереса сенаторов к участию в заседаниях сената и обсуждению выносившихся на них вопросов. В 23 г. до н. э. на заседании сената присутствовало 405—409 чел., в 45 г. н. э. — 383 чел., в 138 г. — 250—299 чел., а при Александре Севере — лишь 70 чел. [20, с. 24]. Если при Севере и усилились позиции всадников в императорском совете, то данные источников не позволяют делать вывод о том, что принадлежность к сенаторскому сословию была препятствием для включения в него. Среди 205 членов этого совета при Септимии Севере, имена которых нам известны [10, с. 131], был и идеолог «партии сената» Дион Кассий, успешно сотрудничавший и с самим Севером и с его преемниками [19, с. 18].

Против утверждения о враждебности взаимоотношений между Севером и сенаторами говорит и то, что этот император довольно милостиво относился даже к тем сенаторам, которые были заподозрены в поддержке его противников в годы гражданской войны 193—197 гг. Хотя часть сенаторов и была выведена по этой причине из состава сената, им было позволено оставаться в Риме [9, I, IX, 3]. Детям многих сосланных на острова Север разрешил хоронить умерших в ссылке в другом месте [9, XIVIII, XXIV, 2]. Никому из родственников казенных *hostes publici* или симпатизировавшим им не было запрещено занимать какие-либо должности, если они соответствовали возрастному цензу [10, с. 129]. Данные эпиграфических источников свидетельствуют о том, что в годы гражданской войны 193—197 гг. среди сенаторов были не только его враги, но и много сторонников [10, с. 126—127].

Таким образом, в период правления Септимия Севера действительно наблюдается дальнейшее падение роли сената и сенаторов в управлении Римской империей, отдельными ее провинциями и армией. Но, по нашему мнению, это было продолжением процесса, начавшегося еще до Севера, и не является доказательством враждебности взаимоотношений между этим императором и сенатом. Можно отметить, что в условиях усложнившегося положения Римской империи в интересах более эффективной организации управления государством Север решительнее, чем его предшественники, порывал с римскими традициями, касавшимися положения сената и сенаторов в государстве. Результат же гражданской войны сказался на судьбе только той части сенаторов, которая активно выступила в ней на стороне противников Септимия Севера.

Список литературы: 1. *Всемирная история*. В 10-ти т. Т. 2/Под ред. С. Л. Утченко (отв. ред.) и др. — М.: Госполитиздат, 1956. — 899 с. 2. *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 411 с. 3. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. — М.: Госполитиздат, 1956. — 611 с. 4. *Штаерман Е. М.* Кризис III в. в Римской империи. — *Вопр. истории*, 1977, № 5, с. 142—156. 5. *Публий Корнелий*

Тацит. *Анналы*. — В кн.: Тацит К. *Сочинения* в 2-х т. Т. 1. Л.: Наука, 1969.—444 с. 6. *Cassii* Dionis *Cocceiani Historiarum Romanarum quae supersunt*. Edidit Ursulus Philippus Boiseuain, vol. 3. — Berolini, MDCCCCI. — 511 p. 7. *Herodiani* Hist (oriarum) lib (ri) VIII. Editi cura Io (annis)H. Boderi (cum eiusdem notis). — Argentorati (Strassburg), 1644.—463 p. 8. *Scriptores historiae Augustae*. Edidit Ernestus Hohl, vol. 1. — Lipsiae-Teubner, 1955.—116 p. 9. *Digesta*. Recognovit Theodorus Mommsen. — In: *Corpus iuris civilis*. Editia stereotypa undecima, vol. I. Berolini, 1908.—959 p. 10. *Alföldy G.* Septimius Severus und der Senat.—Bonner Jahrbücher, Bd. 168 (1968), S. 112—160. 11. *Alföldy G.* Die Generalität des römischen Heeres.—Bonner Jahrbücher, Bd. 169 (1969), S. 233—246. 12. *Barbieri G.* L'Albo Senatorio da Settimio Severo a Carino (193—285). — Roma, 1952.—794 p. 13. *Grant M.* The Army of the Caesars. — L., 1974.—365 p. 14. *Hammond M.* Composition of the Senate A. D. 68—235. — *Journal of Roman Studies*, vol. 47, 1957, p. 74—81. 15. *Hammond M.* The Antonine monarchy. — Rome, 1959.—527 p. 16. *Hasebroek O.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus. — Heidelberg, 1921. — 201 S. 17. *Hirschfeld O.* Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian. — Berlin, 1905.—515 S. 18. *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. 1. — Princeton, New Jersey, 1950.—723 p. 19. *Millar F. A.* Study of Cassius Dio. — Oxford, 1964.—239 p. 20. *Millar F.* The Roman Empire and its Neighbours. — L., 1967.—362 p. 21. *Murphy G. J.* The Reign of the Emperor L. Septimius Severus from the Evidence of the Inscriptions. — Philadelphia, 1945.—113 p. 22. *Parker H. M. D.* A History of the Roman world from A. D. 138 to 337. — L., 1935.—402 p. 23. *Stein A.* Der römische Ritterstand. — München, 1927.—503 S.

Поступила в редколлегию 05.11.81.

С. Б. СОРОЧАН, А. В. ШЕВЧЕНКО

ЗАПАДНОПОНТИЙСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ II—VI ВВ. ИЗ ХЕРСОНЕСА

Наличие торговых связей Херсонеса Таврического с Мезией и Фракией в первые века н. э. не вызывает сомнений, однако круг источников, подтверждающих это, нуждается в пополнении и углублении.

Во II — III вв. н. э. Херсонес находился в подчинении наместника провинции Мезии и содержал гарнизон мезийской армии, многие солдаты которого вместе с их семьями были уроженцами Западного Понта. Известный итинерарий, нарисованный во второй четверти III в. на щите legionera из Дура — Европос, показывает, что Западное Причерноморье было связано с городом хорошо налаженным путем, шедшим через Тиру, пересекавшим переправу на Дунае и затем тянувшимся к Истрии и дальше на юг через Томи, Каллатию и Одессос [20, с. 11—14]. Морские коммуникации охранялись понтийским флотом, который при Септимиусе Севере был перебазирован в Византий [19, col. 2643]. Безусловно, это влекло установление контактов не только военно-политического, но и экономического, а также культурного характера.

Целью настоящей статьи является определение и характеристика еще одной группы изделий из ассортимента товаров, вывозившихся из городов Мезии и Фракии. К ней относится ряд

глиняных светильников, которые имеют очень близкие аналогии по форме, технике исполнения и мотивам декора местным изделиям из раскопок на территории современной Добруджи. Особенно много подобных светильников встречается в некрополе античного Томи [21, с. 18, *tip.* XX].

Во II в. в Томи хорошо известны изделия, отмеченные на плоском основании врезной сигнатурой ΕΥΚΤΗΜΩΝ иногда с припиской ΕΠΟΙΕΙ [21, с. 20]. В Херсонесе обнаружен обломок

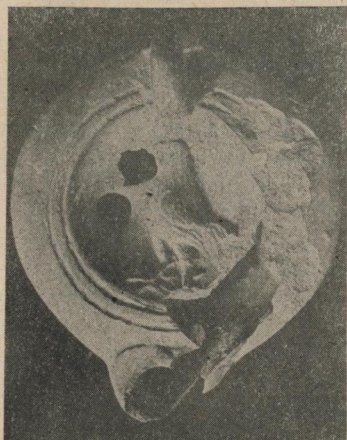

Рис. 1

Рис. 2

светильника с такой надписью (ГИМ, инв. № 33081/118—34) и, кроме того, имеются образцы, которые, согласно выводам К. Иконому, могут быть отнесены к продукции наследников Евктэмона или других более поздних мастеров из Томи, подражавших ему [21, с. 20]. Самым ранним из них следует считать тонкостенный, аккуратно выполненный светильник с круглым туловом диаметром 6,6 см, сердцевидным рожком, покатыми плечами, вогнутым щитком, обведенным двумя врезными кругами, наклепной кольцевидной ручкой и плоским дном, очерченным также двумя кругами (ГХМ, инв. № 1604). Плотная, легкая, хорошо отмученная глина сверху имеет коричневатый оттенок и слегка заглажена. На щитке тщательно оттиснут в рельефе петух (рис. 1) — традиционное изображение мастерской ΕΥΚΤΗΜΩΝΟΥ [21, с. 20].

Позднейшие изделия отличаются, как правило, меньшими размерами (ширина 5,5—6,0 см) и значительно возросшей грубостью исполнения, однако изображения на щитках петуха, виноградной кисти или камфаровидной вазы (рис. 2) остаются характерными для указанной мастерской [ГХМ, инв. № 16616, 23699, 33348, 1/35435 и др.; 21, с. 82—83, 85, № 326—332, 346; с. 120, fig. 121; с. 90—91, fig. 36, № 397, 401].

Херсонесские экземпляры имеют плотную розовато-коричневую или красно-оранжевую глину с блестками слюды, редкими известковыми включениями и иногда покрыты сверху тусклым непрочным темно-красным лаком. В фондах музея насчитывается около 20 таких светильников.

К этому же типу принадлежат светильники с неясным, очевидно, испорченным сердцевидным рожком и наклепной кольцевидной ручкой, изготовленные из желто-оранжевой или желто-коричневой глины с блестками и покрытые жидким буро-красным лаком, плохого качества. Некоторые из них, диаметром 6,0—6,5 см, украшены на плечах схематично оттиснутыми в рельефе цветами и листьями, а на щитке — нереидой, плывущей на гиппокампе вправо (рис. 3). (ГХМ, инв. № 99/36898). Другие имеют традиционное для многих светильников римского типа изображение птицы, сидящей на ветке граната (рис. 4), и отмечены на доньшке с тремя фигурными выступами штампом в виде стилизованной ступни (ГХМ, инв. № 1503,26/36757, 35272/ант. 1—933 и др.). Эти светильники, как и предыдущие, находят полные аналогии в некрополе Тропея Траяна [23, с. 208, fig. 2,2], Каллатии [17, с. 130, № 3; с. 141, № 16] и особенно многочисленны в Томи [21, с. 72, fig. 111,

Рис. 3

Рис. 4

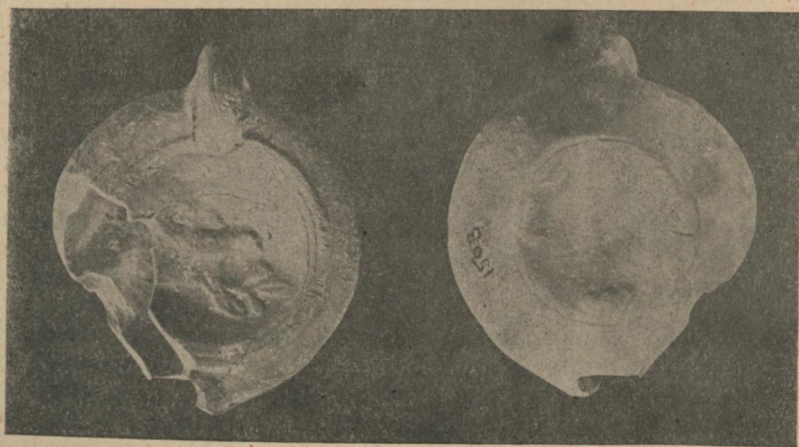

Рис. 4

222, № 252; с. 101—102, fig. 125, № 488, 489 и др.]. Кроме Херсонеса нам неизвестны их находки за пределами Мезии.

Светильники из провинции Фракии стали поступать в Херсонес в качестве импортных товаров в более позднее время, чем нижнемезийские. Однако степень интенсивности их экспорта, судя по имеющимся находкам, была не меньшей, если даже не большей. Нами учтено свыше трех десятков таких изделий. Они отличаются грушевидной формой, широким округло законченным рожком, фигурной ручкой и покатыми плечами с острой гранью ко дну. Светильники выполнены из тяжелой мелкозернистой глины с редкими блестками слюды или известковыми, а также бурыми железистыми и черными включениями авгита. После обжига она приобретала цвет, меняющийся от светло-розового до розовато-коричневого тона. Иногда изделия оказываются покрытыми очень тонким светлым ангобом бледно-серого оттенка, который из-за своей непрочности бывает совершенно стерт. Только немногие из них носят следы жидкого и тусклого розовато-красного лака. Сделанные добротной и достаточно аккуратно, с соблюдением традиционных античных приемов техники производства, эти светильники имеют прочный, сравнительно толстый черепок, что является характерной чертой, указывающей на их позднее происхождение.

Эта группа была впервые выделена М. Бернард на основании аналогичных светильников с территории Болгарии, которых особенно много находится в собрании музея в Варне [18, с. 185, 332, № 338—341]. Польская исследовательница считает их продукцией одного из восточноевропейских центров, находившегося, очевидно, во Фракии в IV—V вв. [18, с. 185—186]. К. Иконному, опубликовавший подобные образцы из различных античных центров Румынии, часть их относит к серии североафриканских светильников V—VI вв. [21, с. 28, fig. 57, № 758, tip. XXXII], а часть — к особому типу, который датирует VI в. без указания места производства, но и не оспаривая выводы М. Бернард [21, с. 28—29, fig. 58—59, tip. XXXIII]. Нам представляется возможным уточнить этот вопрос.

Среди херсонесских материалов можно выделить два типа подобных светильников. Тип I (рис. 5) — наиболее многочисленный, включает светильники диаметром 6,4—6,7 см и высотой 3,8—4,2 см (ГХМ, инв. № 1192/193, 8572, 23479, 44/36732, 5/36771; Эрмитаж, инв. № X.1959.121, X.1965.105 и др.). Встречаются образцы меньших размеров, диаметром 6,0 см (ГХМ, инв. № 1988, 23/35715 и др.), или большей высоты — 4,5 см (ГХМ, инв. № 8608, 45/36732 и др.). Слегка углубленный щиток сердцевидной формы обведен, как правило, двумя рельефными валиками, которые каналом открываются к рожку и охватывают крупное отверстие для фитиля. Такое же по величине отверстие прорезано на щитке. Плечи бывают гладкими или украшены короткими и редкими рельефными рубчиками,

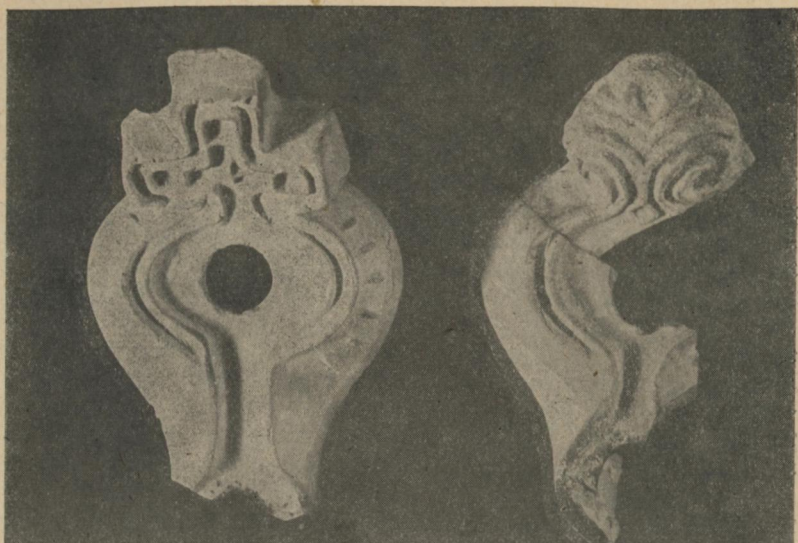

Рис. 5

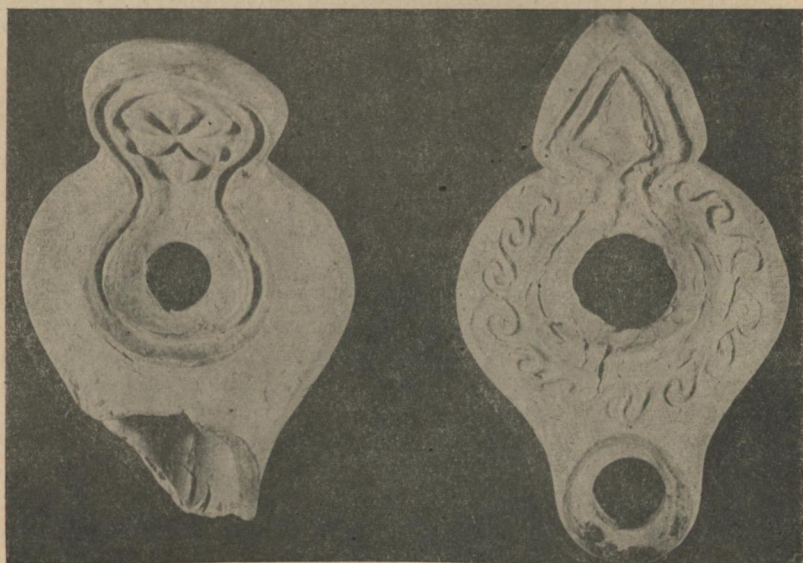

Рис. 6

двойными волютами, отделенными одна от другой. Ручка массивная, сделана в той же форме, что и тулово, и имеет вид стилизованного листа, человеческой головы, а также равносided византийского креста [18, с. 332, № 340; 21, с. 28, 146, fig. 57, № 758; с. 29, 148, fig. 58, № 770; с. 147, fig. 179, № 764; fig. 180, № 765 и др.].

Тип II (рис. 6) отличается от предыдущего отсутствием канала к рожку. При этом отверстие для фитиля обведено рельефным бортиком и углублено, а плечи гладкие или украшены сцепляющимися двойными волютами (ГХМ, инв. № 1216, 34082, 35272, 12/36726 и др.). Светильники сохраняют в целом те же размеры (диаметр 6,5—6,6 см, высота 3,5—3,7 см), но известны и более крупные образцы диаметром 6, 8—7,0 см (ГХМ, инв. № 1205, 1207 и др.). Форма ручек представлена ромбом — листом, округлой наставкой или крестом.

Очевидно, именно к этой группе относятся находки фрагментов светильников, о которых в отчетах упоминается как о «лампочках византийской или христианской эпохи с ручкой с выпуклым крестом» [8, с. 41; 9, с. 29].

Не исключено, что некоторая их часть изготовлялась в городе местными мастерскими как подражание импортным образцам. Об этом свидетельствует находка обломка каменной формы для оттиска подобных, но более грубых светильников, сделанная в раннесредневековых слоях [14, с. 81, рис. VI, 5]. Однако большинство светильников выполнено аккуратно и тщательно, что может служить указанием на их импортное происхождение. Характер глины, техника исполнения, особенности формы и декора этих изделий указывают на их производство в керамических центрах, располагавшихся в Болгарии и на территории Добруджи [18, с. 185—186; 12, с. 189, обр. 18; 24, с. 237, fig. 3; 11, с. 226, рис. 3; 13, с. 37, обр. 19, 3, 4]. Но самым убедительным аргументом в пользу этого является открытие в Коларовграде, Новопазарске, с. Мадара, Кранево и других местах Болгарии гончарных мастерских, в печах которых были обнаружены аналогичные светильники [6, с. 75—76, обр. 9, 4; 16, 1—3; 15, с. 81—87, табл. IX; 22, с. 126, fig. 217]. Судя по условиям находок, они изготовлялись в IV—VI вв. К наиболее ранним образцам I-го типа можно отнести находки в Шуменской крепости, которая была разрушена в конце IV в. н. э. [2, с. 141—142, табл. III, 1]. Вместе с тем значительной части светильников сопутствуют краснолаковая штампованная керамика V — VI вв., монеты Юстиниана I и Маврикия [1, с. 25, обр. 10; с. 29, обр. 15; 25, с. 210, fig. 1, 5—6; 16, с. 354—355, fig. 46].

В Херсонесе оба типа изделий появляются одновременно, очевидно, начиная с IV—V вв. На это, в частности, указывает обнаружение в ходе раскопок Г. Д. Белова аналогичных светильников в позднееримских слоях с материалами IV — начала

V вв. [3, с. 255, рис. 95; 5, л. 9—10, рис. 25]. Известно также, что фракийские светильники встречаются в Херсонесе вместе с ма-лоазийскими [10, л. 54, № 3370, 3371], которые датируются IV—V вв. [7, с. 169]. Вероятно, самым поздним образцам здесь сопутствуют обломки амфор с глубоким густым рифлением и монеты, относящиеся к VI в. [4, л. 26, рис. 29, 3].

Таким образом, торговые связи города с Западным Понтом не прерываются на рубеже III—IV вв., а продолжают развиваться вплоть до начала раннего средневековья.

Список литературы: 1. Ангелов Н. Спасительни разкопки на Царевец през 1961 г. — Археология, кн. IV, 1962, с. 20—29. 2. Антонова В. Археологически проучвания на Шуменската крепост. — Варна: Известия на Народния музей. Шумен, кн. IV, 1973, с. 127—158. 3. Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. — Симферополь: изд-во Крым. АССР, 1938. — 349 с. 4. Его же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. — Архив ГХМ, д. № 750. 5. Его же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г. — Архив ГХМ, д. № 858 I—II. 6. Дремсизова Цв. Неопубликовани материали от голямата пещера край с. Мадара. — Варна: Известия на Народния музей Коларовград, кн. I, 1960, с. 67—82. 7. Кадеев В. И. Импортные светильники I—IV вв. из Херсонеса. — Сов. археология, 1969, № 3, с. 159—170. 8. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. — СПб., ИАК, вып. 16, 1905, с. 37—110. 9. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсоне Таврическом в 1904 году — СПб., ИАК, вып. 20, 1906, с. 17—95. 10. Ленер Р. X. Опись находок из раскопок 1909 г. — Архив ГХМ, д. № 102. 11. Маевский К. Археологические исследования в Нове в 1961 г. — Сов. археология, 1962, № 4, с. 114—118. 12. Маевский К. Археологический исследования в западния сектор на Нове през 1967—1969 г. — София: Известия на Археологическия институт, XXXIV, 1974, с. 176—203. 13. Милчев А., Ангелова С. Разкопки и проучвания в м. Калето край с. Нова Черна, Силистренски окръг, през 1968 г. — Археология, кн. I, 1970, с. 26—38. 14. Пятышева Н. В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. — В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 72—86. 15. Тончева Г. Керамична работилница край с. Кранево. — Известия на Археологическото дружество в гр. Сталин, кн. IX, 1953, с. 81—88. 16. Aricescu A. Noi date despre cetatea de la Hirsova. — Pontica, IV, 1971, p. 351—370. 17. Barladeanu-Zavatin E. In legatura cu o necropola de epoca romana timpurie la Callatis. — Pontica, X, 1977, p. 127—152. 18. Bernhard M. L. Lampki starozytne. — Warszawa: Sztuka, 1955.—384 s. 19. Classis-Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd. III, Stuttgart, 1899, col. 2630—2649. 20. Cumont F. Fragment de bouclier portant une liste d'etapes. — Syria, VI, fasc. 1. Paris, 1925, p. 1—15. 21. Jconomu C. Opaite greco-romane. — Bucuresti: Muz. reg. de archeol. Dobrogea, 1967. — 166 p. 22. Majewski K. Kultura rzymska w Bulgarii. — Wroclaw: Ossolineum, 1969.—237 s. 23. Panaitescu A. Morminte din necropolele cetătu — Tropaeum Traiani. — Pontica, IX, 1976. 24. Stoian J. La città pontica di Tomis. — Dacia, N. S., t. V, Bucarest, 1961, p. 233—274. 25. Vâlceanu D., Barnea Al. Ceramica Lucrată cu mina din asezarea romano-bizantină de la Piatra Frecăței. — Studii si cercetari de istorie veche, t. 26, N 2, Bucarest, 1975, p. 209—218.

Поступила в редколлегия 12.11.81.

ГРАФФИТИ ПОСЕЛЕНИЯ МАСЛИНЫ

Граффити встречаются при раскопках всех без исключения античных центров. Это наиболее распространенный и общепринятый во всем античном мире способ фиксации и передачи информации. Современных исследователей, естественно, интересует ее содержание, возможности использования граффити в качестве исторического источника. Важность изучения граффити с этой точки зрения осознана давно [17; 18]. Однако трудности на пути осмысления этого сложного материала долгое время тормозили введение граффити в научный оборот. Отражая состояние с их публикацией на 1953 г., И. И. Толстой отмечал, что граффити «в большинстве случаев... хранятся в неразобранном виде в ящиках или на полках многих наших музеев» [16, с. 3]. К сожалению, это замечание в значительной мере остается в силе и сейчас. Несмотря на серию публикаций, вышедших в последние два десятилетия [1—4; 9—11; 14; 15; 19], издание граффити носит эпизодический характер. По-прежнему сохраняется большое несоответствие между накопленным материалом и его публикацией.

Принимая во внимание важность граффити как исторического источника, а также необходимость введения их в научный оборот, в данной статье предпринята попытка дать общую характеристику граффити из раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму и высказать некоторые соображения относительно возможной их интерпретации.

Поселение Маслины, исследуемое экспедицией Харьковского государственного университета [16], существовало как укрепленный земледельческий пункт херсонесской хоры с последней четверти IV до середины II в. до н. э. [7, с. 54—61; 8, с. 33—35]. К настоящему времени открыта вся укрепленная часть поселения, так что обнаруженные в ходе раскопок граффити должны дать достаточно полное представление об этой группе находок. Коллекция, как и весь материал, хранится в Археологическом музее Харьковского университета.

Общее количество граффити, найденных при раскопках поселения Маслины, невелико — около 30. Однако если учесть, что Маслины — это небольшой поселок на далекой периферии античного мира, самый северный пункт античной эпохи в Северо-Западном Крыму, то, пожалуй, напрашивается вывод о широком распространении грамотности в греческой среде, о проникновении ее в самые удаленные уголки греческой ойкумены.

Рассматриваемые граффити представляют собой отдельные буквы греческого алфавита, но чаще всего это их лигатуры

и монограммы, выполненные преимущественно на чернолаковой посуде (более 50%), а также на амфорах, кувшинах, пифосах. Граффити процарапаны на уже готовых изделиях и, следовательно, связаны не столько с процессом изготовления сосуда, сколько с его последующей жизнью, возможно, с его использованием, назначением, т. е. интересующие нас надписи оставлены скорее всего не производителями, а владельцами сосудов, может быть, торговцами.

В размещении граффити на сосудах можно отметить следующую закономерность: на чернолаковой посуде все граффити выполнены на ее внешней необозримой стороне, дне, реже — на стенке; во всех остальных случаях граффити располагаются на видимой части сосуда и имеют довольно определенную локализацию — основание горла или плечо, на пифосах — венец.

Наиболее сложным представляется вопрос о содержании граффити. Трудности интерпретации связаны со предельным лаконизмом надписей, позволяющим допускать различные варианты в их толковании.

В литературе со времен Э. Р. Штерна все аббревиатуры из двух-трех букв, легко дополняемые до полных имен известных нам греческих богов, принято зачислять в разряд посвятельных надписей [1, с. 73—79; 9, с. 178, 180, 181; 11, с. 155]. При таком подходе на поселении Маслины можно получить едва ли не полный пантеон олимпийских богов: АП (ολλων), АР (τερης), ЛА (τω), НР (ακλης), ΑΘΑ (γα), ΔΑ (ματηρ). Однако искусственность такого приема совершенно очевидна. Это не значит, разумеется, что в литературе нет примеров убедительной трактовки подобных граффити как посвящений [15, с. 125—128]. Только в отношении граффити едва ли допустимо однажды удачно найденное решение автоматически распространять на все аналогичные случаи. Здесь нельзя идти по линии поиска формальных аналогий, так как совпадение может оказаться случайным, только по виду, внешней форме граффити, но не по существу.

Изучая массовые серии граффити с привлечением большого сравнительного материала, В. П. Яйленко обратил внимание на любопытную особенность в расположении граффити из святилищ. Оказалось, что большинство из них, как правило, вырезано на обозримых частях сосудов, венцах или стенках [19, с. 77]. Подобная локализация настолько устойчива (подтверждается многочисленными сакральными комплексами в Ольвии, Фивах, Коринфе, Навкратисе и др.) [19, с. 77], что позволяет говорить об определенных закономерностях в расположении посвятельных граффити и видеть в отмеченном приеме один из признаков посвящения. С учетом этой закономерности вполне оправданной представляется осторожность, с которой В. П. Яйленко подходит к интерпретации сокращений типа АП, АР,

АРТ, АӨ, НР и т. д., если они вырезаны на доньях столовых сосудов. По мнению этого автора, такие граффити в их абсолютном большинстве следует рассматривать как сокращения теофорных имен владельцев, тем более, что процент подобных имен в греческой антропонимике весьма значителен [19, с. 80—81]. Выделять из их числа посвящения В. П. Яйленко считает возможным лишь в том случае, если граффити имеют соответствующий чистый археологический контекст, т. е. происходят из святилища, что может быть доказано всем комплексом находок. Попытаемся с этих позиций подойти к анализу керамических надписей из Маслин.

Как уже отмечалось, большинство рассматриваемых граффити выполнено на чернолаковой керамике — чашках, канфарах, блюдах, тарелках, причем во всех случаях на необозримых частях сосудов.

На дне одной из чашек (№ 269-М74) четко процарапано граффито АР в лигатуре. Чашка была найдена в помещении Ч вместе с большим количеством разнообразной столовой посуды, рассыпанной на полу. Местом ее хранения, надо полагать, служил деревянный шкаф, пристроенный к северо-западной стене помещения.* Здесь же был найден набор свинцовых гирь. Помещение Ч входило в строительный комплекс южной башни и использовалось скорее всего в качестве хранилища столовой посуды; рядом с ним во дворе находилась летняя печь и колодец. Учитывая обстоятельства находки чашки с граффито в жилом или хозяйственном помещении вместе с разнообразным бытовым материалом, воздержимся от вывода о посвянительном характере граффити, о посвящении чашки богине Артемиде, почтении на поселении этой богини. В данном случае в АР уместнее видеть сокращение имени владельца чашки. Последняя, как и вся чернолаковая керамика на поселении, была привозной и относилась к разряду парадной столовой посуды. Неоднократные находки на поселении фрагментов чернолаковых сосудов с древними починочными отверстиями, а также тарелок, чаш, разбитых в древности и тогда же починенных с помощью свинцовых скреп, свидетельствуют о том, что жители Маслин дорожили чернолаковой посудой, приобрести ее, очевидно, мог не каждый. Не случайно находки этой керамики локализируются, главным образом, в районе башен, местах проживания наиболее состоятельной части населения. Нет ничего удивительного, что владельцы чернолаковых сосудов стремились закрепить свое право собственности на эти нерядовые изделия и с этой целью проставляли на них свои автографы.

* О существовании здесь каких-то деревянных конструкций позволяет предположить узкое (до 0,40м) пространство вдоль стены, свободное от плит вымостки, идущей по всей площади в помещении Ч, а также находки значительного количества железных и бронзовых гвоздей.

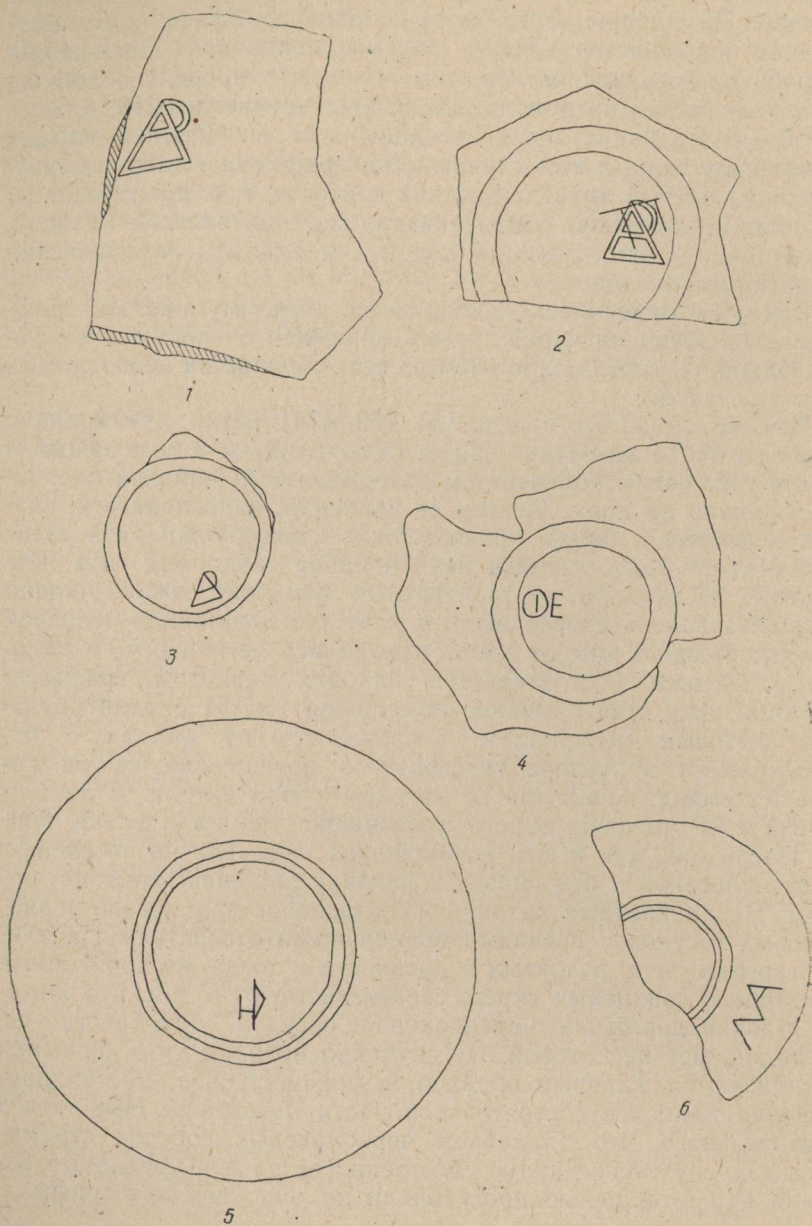

Рис. 1. Граффити на чернолаковой керамике (прориси): 1, 4—6 — фрагменты рыбных блюд; 2 — дно чашки; 3 — ножка канфара

В помещении Ч были также обнаружены чернолаковая чашка (№ 270-М74) и два блюда (№№ 276, 342-М74), отмеченные граффито в виде монограммы (рис. 1, 1—3). В этой монограмме лигатура АР была дополнена еще одной буквой Δ. Из этой аббревиации вычитать имя бога довольно затруднительно, а обстоятельства находки изделий в хозяйственном помещении позволяют, скорее, допустить, что и в этой монограмме скрывается имя владельца (может быть, даже одного и того же, только в первом случае его имя было сокращено до двух букв).

Если обратиться к материалам херсонесской ономастики, то данную монограмму можно распространить как Αρ [τερμ] δ [φρος]. Восстановленное имя неоднократно встречается среди памятников лапидарной эпиграфики Херсонеса [12, с. 191; 13, 2 с. 276]. Вместе с выходцами из Херсонеса, обосновавшимися в конце IV в. до н. э. на Маслинах [8, с. 34], это имя проникает и на северную окраину херсонесской хоры.

Монограмма (рис. 1, 1—3) в коллекции граффити на Маслинах встречается неоднократно. Ею отмечены семь чернолаковых сосудов: кроме уже упомянутых из помещения Ч, она имеется также на двух других блюдах (№ 63-М74, № 35-М76, рис. 1, 1), чашке (№ 224-М75, рис. 1, 2), канфаре (№ 105-М76). Все эти изделия происходят из других помещений — Э, Ш, В, но по характеру найденного в них материала они аналогичны помещению Ч: Э производит впечатление хранилища столовой посуды, обнаруженной и здесь в виде обильной россыпи на полу; Ш — кладовая с лифосами; В — жилое помещение. Есть основания предполагать, что все они принадлежали комплексу южной башни, хотя в отличие от Ч, входившего в первоначальное строительное ядро башни, помещения Э, Ш, В появились в результате последующего роста и расширения границ первоначального комплекса. Это предположение, высказанное ранее на основе анализа строительных остатков, теперь, с привлечением материалов граффити, получает новое обоснование. С учетом локализации граффити появляются, таким образом, дополнительные возможности для определения и уточнения границ строительных и жилых комплексов, для выявления их роста.

Среди набора посуды с этой монограммой обращает на себя внимания чашка из помещения Ш (№ 224-М75, рис. 1, 2). Она интересна в том отношении, что граффито здесь двойное, выполненное в два приема: по монограмме сверху прочерчена лигатура из двух букв Т и П. Изменения в монограмме могли быть вызваны сменой владельцев, чашка, например, могла быть подарена, что и нашло соответствующее отражение в монограмме.

Таким образом, рассмотренные выше граффити сохранили для нас в сокращенной форме имена не менее чем двух обитателей поселения, живших в комплексе южной башни в III в. до н. э.

Другие граффити на чернолаковой керамике из Маслин, надо полагать, такого же содержания, т. е. являются автографами владельцев, живших, однако, судя по местонахождению граффити, в других строительных комплексах. Так, на полу помещения Б, входившего в комплекс западной башни, рядом с очагом, было найдено чернолаковое блюдо (№ 187-M72), на дне которого четко процарапано граффито НР в лигатуре (рис. 1, 5). Точно такое же граффито было обнаружено на плече простого кувшина херсонесского производства (№ 500-M73, рис. 2), найденного в помещении типа кухни. В данном случае обстоятельства находки, как нам кажется, исключают возможность рассматривать граффито НР как посвящение Гераклу [5, с. 6—7]; более вероятно видеть в этом граффито сокращение теофорного имени владельца сосуда или же любого другого имени на 'Hρ—, часто встречаемого в херсонесском ономастике [12, с. 191; 13, с. 277].

В помещении Н, также входившем в строительный комплекс западной башни, было найдено фрагментированное рыбное блюдо (15-M75), на дне которого с наружной стороны процарапано граффито ФЕ (рис. 1, 4). Конечно, это сокращение было бы легко и заманчиво дополнить как ФЕ (os, oL), получив, таким образом, «посвящение богу». И тем не менее находка блюда в помещении, совмещавшем, судя по характеру найденного в нем материала, жилые и хозяйственные функции, отсутствие в нем каких-либо признаков сакрального комплекса, побуждает нас и в граффито ФЕ видеть не столько посвящение, сколько сокращение одного из многочисленных собственных имен на Θε—, широко представленных в греческой антропонимике [20], в том числе и в херсонесской [13, с. 277].

Аналогичны обстоятельства находки граффито ΛΑ или ΜΑ в лигатуре (рис. 1, 6), процарапанного на дне еще одного фрагментированного чернолакового блюда (№ 287-M78). Оно обнаружено в помещении Т¹ вместе с двумя раздавленными амфорами, ступой для дробления зерна, зернотеркой седловидного типа и обломками от прямоугольных жерновов. Очевидно, и в данном случае в граффито ΛΑ перед нами не посвящение богине Латоне или Матери богов, а сокращение имени еще одного обитателя Маслин, жившего в этом помещении [13, с. 277].

Граффити на простой столовой посуде встречаются гораздо реже. В коллекции поселения Маслины можно отметить всего лишь три таких случая. Один из них упоминался в связи с рассмотрением граффито НР на чернолаковом блюде. Оно настолько точно, даже по характеру начертания совпадает с граффито на херсонесском кувшине (ср. рис. 1, 5 и 2, 9), что можно не сомневаться как в принадлежности обоих граффити одной руке, так и в их смысловой идентичности.

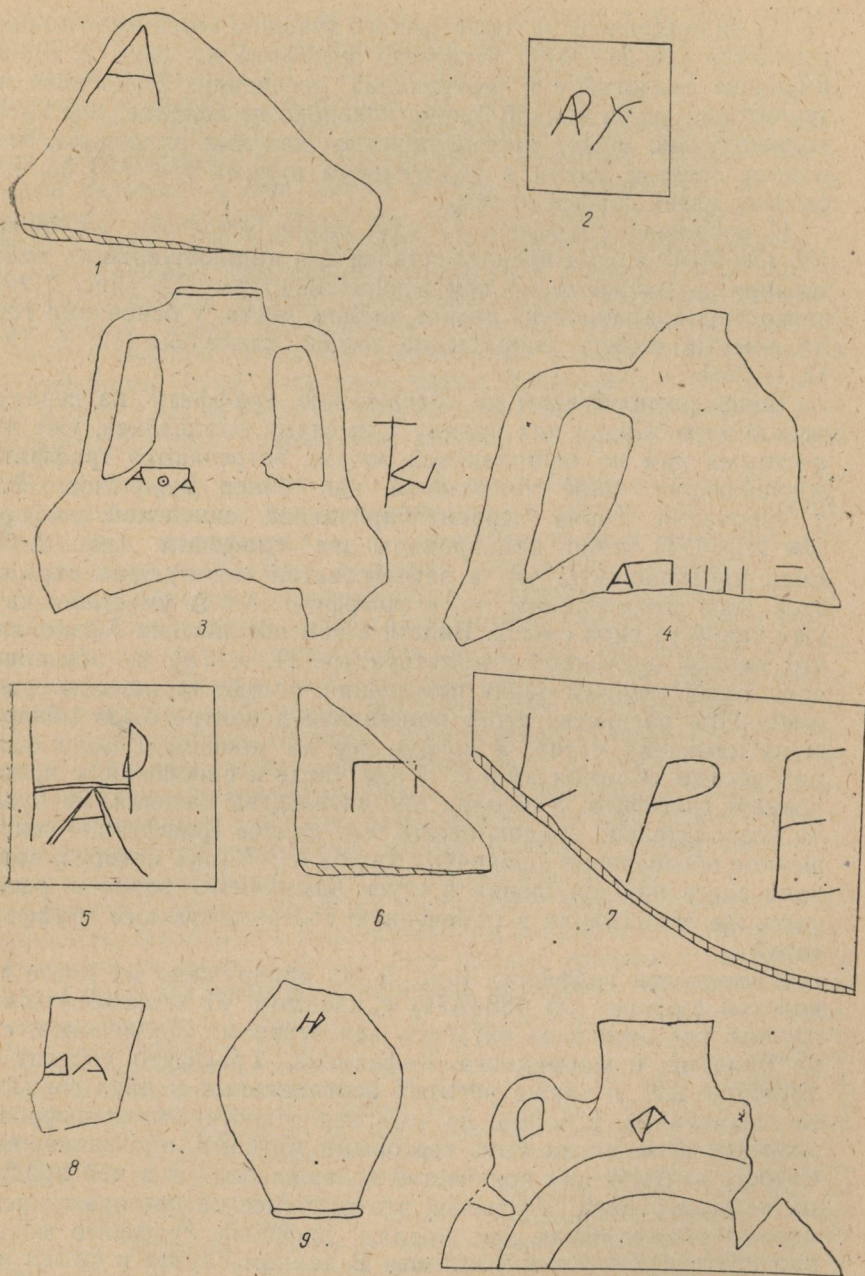

Рис. 2. Граффити на амфорах (1—7) и столовой посуде (8—10)

На цилиндрическом горле другого кувшина херсонесского производства (№ 347-М74) встречено граффито ΔΑ (рис. 2, 8), не имеющее аналогий и в материалах поселения. Найденное на территории двора южной башни недалеко от колодца, оно предположительно может рассматриваться как имя владельца, возможно, остаток имени в родительном падеже [—] δα, посколькy слева граффито σκολ.

И последнее граффито из этой серии встречено на фляге (№ 176-М74). Сосуд предназначался для индивидуального пользования; в граффито на нем в виде лигатуры ΠΑ (рис. 2 10), четко процарапанной на самом видном месте, у основания горла, уместно видеть сокращение имени владельца [12, с. 191; 13, с. 278].

Более разнообразны по содержанию граффити на керамической таре. Среди них наряду с именами владельцев, уже известными нам по чернолаковой посуде, встречаются граффити, допускающие иное толкование как более вероятное. Так, у основания горла фрагментированной синопской амфоры (№ 110-М74) четко процарапаны два граффити (рис. 2, 3). Если предположить, что в замысловатой монограмме скрывается имя собственника, то в граффито ΑΘ'Α уместно искать уже какой-то иной смысл. Видеть в нем посвящение Афине, как это иногда допускается в литературе [1, с. 78], не позволяет явно хозяйственный облик помещения, откуда происходит граффито. При расчистке этого помещения в центре была обнаружена каменная ступа, а вокруг нее на мощенном полу были разбросаны обломки амфор, в том числе и синопской, с приведенным граффито. Учитывая обстоятельства находки, не будет ли позволительно предположить, что данное граффито — сокращенное обозначение пшеничной крупы ΑΘ Α [ρη], которую получали здесь при дроблении в ступе пшеничного зерна и затем здесь же складывали в помеченную соответствующим граффито тару?

Интересное граффито (рис. 2, 4) обнаружено на горле синопской амфоры (№ 488-М74) с клеймом VI хронологической группы, где отчетливо читается имя астинома Леомедонта, сына Эпидема, и фабриканта Кефалиона. Граффито состоит из лигатуры ΑΠ, а также четырех вертикальных и двух горизонтальных линий, которые, по всей вероятности, имели цифровое значение. Они могли быть торговыми метками, обозначавшими емкость амфоры или количество содержавшегося в ней продукта, например вина. Учитывая, что наиболее распространенными мерами объема были хои, котилы, цифровое граффито можно прочитать как 4 хоя и 2 котилы. В данном случае и смысл лигатуры ΑΠ может быть лучше понят, если его связать с цифровой меткой и видеть на этот раз в лигатуре сокращение не имени владельца, а названия месяца ΑΠ (ελλαῖος — ноябрь),

т. е. указание на время разлива вина, которое в данном случае хорошо согласуется с завершением винодельческого цикла.

На плечевой части херсонесской амфоры (№ 95-М75) выполнено граффито, состоящее из лигатуры АР и буквы Х (рис. 2, 2). Лигатура АР находит полную аналогию среди знаков собственников на чернолаковой керамике. Может быть, в ней скрывается имя одного и того же владельца? В этом отношении интересно отметить, что чернолаковая чашка и амфора с лигатурой АР найдены в непосредственной близости — в двух смежных помещениях, входивших в один строительный комплекс южной башни. Только помещение Ч, откуда происходит чашка, было хранилищем столовой посуды, а Ш, где найдена амфора, являлось своего рода кладовой с пифосами и амфорами. Если допустимо такое толкование лигатуры АР, то, может быть, в букве Х, поставленной на той же амфоре, возможно усмотреть сокращение широко распространенной меры

объема Х [ovs], равной 3,27 л? К сожалению, сохранность амфоры не позволяет точно определить ее объем, однако несомненно она принадлежала к категории мелких емкостей, что и позволило предложить подобное толкование граффито.

Таким образом, рассмотренные граффити из раскопок поселения Маслины по содержанию можно отнести к двум группам. Наиболее многочисленную среди них составляют имена владельцев. Оставленные частными лицами, они тем не менее позволяют уточнить наши представления относительно границ жилых комплексов. Изучение локализации граффити подобного рода позволяет лучше ориентироваться в сложной системе строительных остатков, открытых на поселении, помогает более обоснованно, чем это было возможно до сих пор, решать вопрос о выделении на поселении жилых блоков и принадлежности отдельных помещений тому или иному комплексу.

Другую группу граффити составляют метки хозяйственного значения, связанные с использованием керамической тары, определением ее емкости и т. д. Эти данные граффити расширяют наши представления по конкретной экономике античного мира.

Список литературы: 1. Бабинов Ю. А. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1970, № 4, с. 73—79. 2. Василенко Б. А. О характере надписей и меток на древнегреческих амфорах. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. II. Киев, 1975, с. 63—64. 3. Головки И. Д. Кілька невиданих графіті із Ольвії та з Березані. — МАСП, 1959, вип. 2, с. 167—176. 4. Головки И. Д. Эпиграфические находки. — МАСП, 1966, вып. 5, с. 77—88. 5. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). — Киев.: Наук. думка, 1978.—140 с. 6. Латышева В. А. Исследования памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму. — В кн.: АО 1972—1981 гг. М.: Наука, 1973—1982. 7. Латышева В. А. Раскопки нового античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 53—61. 8. Латышева В. А. Поселение Маслины в Северо-Западном Крыму и его место в составе херсонесской хоры. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6—8 февраля 1980 г. Харьков, 1980, с. 33—35. 9. Мальцев М. М. Посвятительные граффити Никония. — В кн.: Археологические

и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев, Одесса, 1976, с. 177—182. 10. Николаенко Г. М. Метки на античных пифосах. — В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев.: Наук. думка, 1974, с. 25—29. 11. Соломоник Э. И. О культе Артемиды в Херсонесе. — В кн.: Археологические исследования на Украине, II. Киев.: Наук. думка, 1968, с. 155—157. 12. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — Киев: Наук. думка, 1964, с. 195. 13. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — Киев: Наук. думка, 1973, —282 с. 14. Соломоник Э. И. Греческие надписи из раскопок театра в 1964 г. — В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев.: Наук. думка, 1974, с. 10—12. 15. Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса. — ВДИ, 1976, № 3, с. 121—141. 16. Толстой И. И. Греческие граффити античных городов Северного Причерноморья. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958, —150 с. 17. Штерн Э. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах. — ЗООИД, XX, Одесса, 1897, с. 163—199. 18. Штерн Э. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. — ЗООИД, XXIII, Одесса, 1901, с. 1—32. 19. Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. — ВДИ, 1980, № 2, с. 72—99; ВДИ, 1980, № 3, с. 75—116. 20. Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. V. 3. — Braunschweig, 1884.—424 S.

Поступила в редколлегию 10.11.81.

А. В. ШЕГЛЕНКО

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНЫХ ПЛЕМЕН МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА В VII—III ВВ. ДО Н. Э.

Вопрос о погребальном обряде у населения лесостепной Скифии и, в частности, у жителей междуречья Днепра и Дона относится к числу недостаточно изученных. Между тем известно, что в обряде погребения отражаются в определенной мере основные черты социальной структуры общества, особенности хозяйства и быта местного населения, его религиозные верования и различные этнографические особенности, важные для решения проблем генезиса и культурно-исторических связей. Поэтому к изучению обряда погребения на рассматриваемой территории исследователи обращались неоднократно.

Одну из первых попыток дать классификацию погребений скифо-сарматской эпохи предпринял Д. Я. Самоквасов [1, с. 137—139]. Но основанная на ограниченном материале, эта классификация носила слишком общий характер и объединяла разнородные памятники степи и лесостепи. М. И. Ростовцев выделял на рассматриваемой территории полтавскую и донскую группы, а в рамках последней он также объединял как степные, так и лесостепные памятники [2, с. 506—521]. Кроме того, М. И. Ростовцев описывал преимущественно богатые погребения с импортными вещами, которые служили основой для определения хронологии. Это не позволило ему выявить все особенности погребального обряда и приводило к ошибочным датировкам. Так, в донской группе он не учел ранние погребения и всю группу датировал концом IV—III вв. до н. э. [2, с. 538]. А. А. Спицын обобщил результаты дореволюционных раскопок

курганов земледельческих племен, отметил ряд важных особенностей их погребального обряда и заложил основы хронологического членения курганов [3, с. 87—143].

Советские археологи усовершенствовали методику археологического исследования курганов, выявили недостатки в работах дореволюционных исследователей и значительно расширили круг изучаемых вопросов. Новые раскопки позволили получить важные материалы для характеристики обряда погребения. Были систематизированы и заново исследованы известные ранее материалы по отдельным локальным группам памятников, уточнена их хронология. Среди этих работ необходимо отметить прежде всего монографические исследования В. А. Ильинской, Б. А. Шрамко, Г. Т. Ковпаненко, П. Д. Либерова [4, с. 81—86; 5, с. 229—230; 6, с. 82—109; 7, с. 5—85; 8, с. 60—62]. Одновременно производились новые раскопки, обрабатывались и публиковались архивные материалы о курганах, впервые были обнаружены курганные и бескурганные погребения на городищах. Эти материалы частично нашли отражение в статьях указанных авторов, а также в работах М. Я. Рудинского, Е. В. Махно, А. А. Моруженко, А. И. Пузиковой, В. Е. Радзиевской, Н. Г. Коленченко, В. Г. Бородулина, С. И. Берестнева [9, с. 53—79; 10, с. 123—127; 11, с. 330; 12, с. 193—203; 13, с. 56—65; 14, с. 219—224; 15, с. 82—95; 16, с. 80—91; 17, с. 33—40; 18, с. 15—16; 19, с. 8—10; 20, с. 271—272; 21, с. 301—302; 22] *. В результате за последние годы накоплен новый большой материал, не введенный еще полностью в научный оборот и не обработанный в должной мере. Это затрудняет объективное сопоставление данных и является одной из причин, мешающих устранению ряда разногласий, имеющихся в работах.

В данной статье делается попытка дать классификацию и общую характеристику обряда погребения скифской эпохи у населения междуречья Днепра и Дона на основе всего имеющегося в нашем распоряжении материала, обработанного по единой системе.

В первую очередь это касается классификации подкурганных погребальных сооружений (она охватывает 435 погребальных сооружений). В ее основу нами положена форма могильной ямы, строительные особенности деревянного перекрытия, а также устройства внутренней деревянной конструкции. На протяжении всего скифского времени на рассматриваемой территории существовали две группы погребальных сооружений: грунтовые ямы и деревянные конструкции.

Первая группа наиболее многочисленная и представлена разнообразными типами сооружений. I. Четырехугольная яма, перекрытая бревенчатым накатником. На долю этого типа

* Автор выражает глубокую благодарность всем исследователям, предоставившим неопубликованные материалы.

приходится 95,2% сооружений первой группы. Подтипы выделяются по особенностям устройства пола: 1 — земляной; 2 — покрытый корой; 3 — покрытый досками; 4 — с досками, уложенными на бревенчатых опорах. Ямы I типа встречаются в междуречье Днестра и Дона в течение всей скифской эпохи.

II. Четырехугольные ямы с заплечиками, на которые опирались края перекрытия из бревен (1,2%). Сооружения, имеющие заплечики по двум сторонам, составляют 1 подтип, а с заплечиками по всему периметру — 2. У ям первого подтипа перекрытие обычно бывает в виде двойного накатника. В качестве вариантов здесь встречаются ямы, имеющие земляной пол и пол из досок. Время их существования — VI — IV вв. до н. э.

III. Круглые в плане грунтовые ямы (1,8%). Они делятся на два подтипа: 1 — ямы с бревенчатым перекрытием в один ряд и с земляным полом; 2 — яма с шатровым перекрытием из бревен и глиняной обмазкой дна [23, с. 147]. Ямы этого типа бытовали в VI — V вв. до н. э.

IV. Квадратные ямы с двускатным перекрытием из бревен и земляным полом. Перекрытие поддерживалось столбами, стоявшими у торцовых стен и державшими продольную слегу. Ямы этого типа известны в IV в. до н. э.

Вторая группа подкурганных сооружений состоит из следующих отделов: 1 — деревянные срубы; 2 — деревянные склепы, впущенные в могильную яму; 3 — склепы, располагавшиеся на дневной поверхности.

В настоящее время известно 12 сооружений первого отдела (16,2% всех деревянных конструкций). Время их существования — VI—III вв. до н. э. Основной район распространения — бассейн р. Ворсклы. Зафиксированы два типа деревянных срубов. I. Сруб, венцы которого делались из расколотых половинок бревен и укладывались в 5—6 венцов. Между срубом и стеной могильной ямы оставалось значительное свободное пространство, которое засыпалось смешанной почвой. Дно было покрыто деревянным полом [25, с. 16—18].

II. Срубы, сооружавшиеся из целых бревен, уложенных, как правило, в четыре венца. Стенки сооружения вплотную примыкали к могильной яме. По особенностям устройства пола этот тип делится на три варианта: 1 — с земляным полом; 2 — с полом, покрытым корой; 3 — с досчатым полом; 4 — с досчатым полом, укрепленным на бревенчатых опорах.

Отдел деревянных склепов более многочислен, чем отдел срубов. В настоящее время известно 10 типов сооружений этого отдела.

I. Склепы с деревянной облицовкой стен и одним вертикальным столбом в центре сооружения (6,6%). По характеру устройства перекрытия и облицовки стен эти склепы можно разделить на два подтипа: 1 — с бревенчатым накатником и верти-

кальной деревянной облицовкой стен; 2 — с шатровым перекрытием из бревен и горизонтальной облицовкой из досок и бересты. Склепы I типа встречаются в IV—III в. до н. э. в бассейне Дона.

II. Деревянные склепы, имеющие по четыре вертикальных столба по углам ямы, прижимавших горизонтальную облицовку к стенкам могилы (32,4%). Он подразделяется на три подтипа: 1 — склепы, имеющие однослойное перекрытие из бревен, облицовку стен из бревен или плах и земляное дно; 2 — склепы с двойным перекрестным перекрытием из бревен и облицовкой стен из бревен или плах и земляным дном; 3 — склепы с облицовкой стен и перекрытием из досок, имеющие досчатый пол. Склепы первого подтипа встречаются в курганах VI в. до н. э., второго и третьего — на протяжении VI—IV вв. до н. э. Данный тип склепов преимущественно бытовал в бассейне р. Сулы — из 24 известных склепов 18 происходят из Посулья.

III. Склепы, имеющие вертикальные столбы по углам могилы и один столб в центральной части (9,4%). К сожалению дореволюционные публикации и отчеты не всегда дают возможность определить характер облицовки стен склепов этого типа. По устройству перекрытия склепы этого типа делятся на два подтипа: 1 — с бревенчатым перекрытием в один ряд; 2 — с двойным перекрестным перекрытием из бревен. Склепы обоих подтипов имели земляной пол. Описываемый тип склепов встречается в курганах VI—III вв. до н. э. бассейна Дона.

IV. Деревянные склепы, имеющие вертикальные столбы по углам и по сторонам могильной ямы, прижимавшие и удерживавшие горизонтальную облицовку (6,7%). По особенностям устройства перекрытия и пола склепы этого типа делятся на два подтипа: 1 — перекрытие удерживается вертикальными столбами и лежит на краях могильной ямы, пол склепа земляной; 2 — перекрытие своими концами опирается на специальные заплечики, дно покрывалось досчатым полом. Сооружения первого подтипа характерны для могильников Посулья, а склепы второго подтипа встречаются в бассейне р. Ворсклы. Все склепы IV типа существовали в VI—V вв. до н. э.

V. Деревянные склепы с вертикальными столбами по углам, по одной или двум сторонам ямы и в центральной части (15,9%). По характеру горизонтальной облицовки склепы данного типа делятся на два подтипа: 1 — сооружения с мощной горизонтальной облицовкой из плах или бревен и земляным полом; 2 — склепы, имеющие легкую облицовку из досок и дно, покрытое древесной корой. Сооружение обоих подтипов перекрывались накатником из бревен. Они датируются VI—III вв. до н. э. и встречаются исключительно в бассейне Дона.

VI. Склепы с вертикальной облицовкой стен из бревен или плах (8,1%). Нижние концы облицовки укреплялись в канавках, идущих вдоль стен. Данный тип делится на три подтипа: 1 —

склепы, перекрывавшиеся бревенчатым накатником и имевшие деревянный пол из досок. Существовали в VI—IV вв. до н. э. 2 — склепы с двойным перекрестным перекрытием из бревен и земляным полом. Датируются IV—III вв. до н. э. 3 — склеп с многослойным перекрытием из досок и земляным полом [24, с. 63—64]. Он относится к VI в. до н. э. Склепы VI типа встречаются в подавляющем большинстве в Поворосклье.

VII. Склеп с дромосом, имеющий горизонтальную облицовку стен, четыре вертикальных столба по углам и дополнительные столбы у одной или двух стен [26, с. 163—164; 27, с. 1—4].

VIII. Склеп с дромосом, с вертикальной облицовкой стен и с шестью столбами (по углам и по сторонам ямы). Облицовка из плах укреплялась в канавке, идущей вдоль стен. Дно покрыто деревянным полом. В месте примыкания дромоса стояли два столбика [25, с. 16].

IX. Склеп с дромосом, имеющий столбы по углам, в середине каждой из сторон сооружения и в центре. Дно покрыто деревянным полом [16, с. 80—81]. Все склепы с дромосами датируются IV в. до н. э.

X. Двухкамерный склеп, наружная камера которого имела семь вертикальных столбов, внутренняя — восемь. Стены сделаны из вертикально уложенных бревен. Склеп имел двойное перекрестное перекрытие из бревен и земляной пол. Данный тип представлен единственным сооружением в кургане № 2 в урочище Стайкин Верх [1, с. 90—102]. Склеп датируется V в. до н. э.

К третьему отделу относится только один склеп, зафиксированный в кургане № 1 у с. Волковцы [28, с. 84—85]. Он располагался на дневной поверхности кургана. Пол склепа был вымазан глиной, стены сделаны из бревен, поставленных вертикально. Имелось перекрытие, сверху покрытое слоем глины. Склеп датируется IV в. до н. э.

В лесостепных могильниках междуречья Днепра и Дона в скифское время господствовал обряд трупоположения в основных и впускных курганных погребениях. В литературе сложилось мнение, что лесостепные курганные могильники к востоку от Днепра, кроме Посульских, были небольшими по числу насыпей [4, с. 183—184; 6, с. 82]. Однако последние исследования показали, что количество курганов в некоторых могильниках превышает 1000 штук [29, с. 408—409]. В настоящее время стали известны бескурганные погребения на городищах (Коломак, Марица) и сооружения курганов на поселениях (Большое Бельское городище) [18, с. 8—11; 17, с. 33—40; 30].

Основные погребения в курганах составляют 77,9% всего количества трупоположений. Впускных значительно меньше — 6,3%. В VI—V вв. до н. э. наблюдались впускные захоронения в курганы бронзового века или энеолита — 1,7%. Количество впускных погребений в курганах увеличивается в IV в. до

н. э. — 8,4%. В III в. до н. э. впускные погребения не известны. Два впускных погребения совершены в склепах II-го типа 1-го подтипа. Остальные совершались в грунтовых ямах и деревянных сооружениях неясной конструкции.

На протяжении всего скифского времени как в основных, так и во впускных погребениях останки умерших в преобладающем большинстве располагались на полу сооружения — в 77 погребениях. Обычай размещения покойников на специальных подстилках из коры, ткани, шкуры, камыша, на ковре составляет 17,3% от всего количества четко зафиксированных погребений. В остальных случаях погребенные располагались следующим образом: в насыпи без сооружения — 11,7%, на материковом возвышении на дне сооружения — 4,9%, в трех случаях отмечено наличие покрывал.

Наибольшее количество костяков обнаружено в вытянутом положении на спине (65,9%). 12,1% всех известных положений покойников составляют погребения со скорченными костяками. Кроме этого, отмечаются захоронения на боку в вытянутом положении — 4%, на боку со слегка поджатыми ногами — 7,3, на боку с одной согнутой ногой — 0,8%. В остальных случаях точно установить позу покойников не удается. В ориентировке погребенных наблюдается разнообразие. В общем в междуречье Днепра и Дона преобладает ориентировка головой на юг — 34,2%. В остальных случаях покойники ориентированы так: запад — 22,1%, юго-запад — 13,1, юго-восток — 9, восток — 7,7, север — 7,6, северо-восток — 3,6, северо-запад — 2,7%. По бассейнам отдельных рек чаще всего встречается следующая ориентировка: Сула — юг — 63,1%, юго-запад — 12,2%; Ворскла — юго-восток — 25,8, юг — 22,4%; Псел — юг — 33,3, юго-восток — 16,6%; Северский Донец — юг — 35,4, запад — 31,2%; Правобережный Средний Дон — юго-запад — 37,7, юг — 15,7%. Остальные ориентировки немногочисленны. Корреляция ориентировки с типами погребальных сооружений дает следующую картину: в грунтовых ямах головой на юг ориентировано 29 скелетов, запад — 21, юго-запад — 15, север — 9, юго-восток — 8, северо-запад — 6, восток — 4, северо-восток — 4. В деревянных сооружениях различных типов наибольшее число погребенных ориентировано на юг — 29. В стальных случаях: на восток — 8, запад — 7, юго-запад — 6, север — 5, юго-восток — 5, северо-запад — 2.

Подавляющее число погребений исследуемого района — одиночные (47,8%). Значительно меньше парных захоронений — 11,2%. Парные захоронения мужчин и женщин в одной могиле встречаются очень редко. Коллективные погребения, содержащие останки трех и более умерших, составляют 1,7%. Во всех остальных случаях (39,3%) — сохранность погребений и публикации не дают представления о численности покойников в могиле.

Незначительная часть погребений совершена по обряду трупосожжения — 3% от всего известного количества. Как правило, трупосожжения совершались в самом могильном сооружении. Но известны два случая трупосожжения на стороне. В кургане № 5 у с. Лихачевка (VI в. до н. э.) трупосожжение было совершено на стороне, а остатки помещены в глиняный сосуд-урну и установлены на дне могилы [24, с. 7]. В кургане № 4 Скоробора (V в. до н. э.) останки сожжения после совершения ритуала вместе с предметами инвентаря в беспорядке были высыпаны в могильную яму [25, с. 25]. Наибольшее количество трупосожжений приходится на VI—V вв. до н. э. (84,6%). Пережитком обряда трупосожжения в междуречье Днепра и Дона можно считать сжигание деревянных подкурганых сооружений [10, с. 126], следы сожжения перекрытий могильных ям [1, с. 111; 19, с. 8], посыпание могильной ямы золой и углями [31, с. 707, 714], остатки кострищ в могилах, на которых положен покойник [9, с. 60; 16, с. 83].

В скифскую эпоху в погребениях исследуемого района для жертвенной пищи чаще всего использовались овцы, лошади, коровы, свиньи. Зафиксирован единственный случай использования водоплавающей птицы [32, с. 23]. Характерна очистительная посыпка могилы известью. В архаических погребениях (VII—VI вв. до н. э.) найдена сера, реальгар, охра. В 16 случаях охра и реальгар были положены в могилу вместе с каменными ладьевидными блюдами.

Обряд погребения включал в себя и погребальную тризну, которая совершалась после засыпки могильной ямы на частично насыпанном курганном холме. Остатки тризны в насыпях курганов хорошо фиксируются в виде прослойки золы и древесного угля (от кострища), фрагментов керамики, костей животных. Иногда для совершения тризны в центральной части насыпи возводилась специальная глиняная площадка с деревянной вымосткой в центре [22]. В ряде случаев обряд тризны происходил и над могилой до насыпки кургана — следы тризны отмечаются непосредственно на деревянном перекрытии могилы или рядом с нею на дневной поверхности [1, с. 107, 108; 23, с. 149]. Во время совершения погребальной тризны, очевидно, производились и ритуальные действия. О них свидетельствуют находки каменных жертвенников в насыпях курганов Коломацкого и Песочинского могильников [18, с. 16; 4, с. 254]. К тризне, видимо, относится комплекс из трех пар разнотипных удили с псалиями в насыпи кургана № 2 Перещепинского могильника [33]. Пара бронзовых жертвенных ножей обнаружена при исследовании насыпи Старшей Могилы [1, с. 97]. Ножи этого типа известны также в кургане № 8 группы «Частых» под Воронежем [34, с. 33].

К особенностям обряда погребения племен междуречья Днепра и Дона можно отнести находки глиняных сосудов, рас-

полагавших на деревянных перекрытиях подкурганных сооружений. Такие находки, ранее не фиксировавшиеся, теперь известны в курганах № 1, 2 Скоробора, в кургане № 3 Перещипинского могильника, в погребении № 2 кургана «Безымянная Могила», в курганах Коломацкого могильника [25, с. 7—8; 35, с. 12; 18, с. 15].

Уникальная каменная стела, изображающая воина скифского времени, обнаружена в насыпи кургана, содержащего типично лесостепное погребение, у с. Веселое на левом берегу р. Муром [36, с. 8]. До сих пор такие памятники встречались только в степной Скифии. Находка стелы в лесостепном кургане свидетельствует о знатности покойника и особых, неизвестных до настоящего времени элементах погребального обряда, связанных с постановкой каменной стелы на насыпи.

Особо следует отметить находки в курганах культовых зольников, которые непосредственно связаны с основными погребениями [37, с. 128, 129, 133; 25, с. 6; 38, с. 105]. Иногда зольники встречаются на территории могильников или в непосредственной близости от них. Уникальный зольник с аккуратно уложенными по кругу рогами и черепами быков, обломками керамики и зооморфных статуэток обнаружен в урочище Осняги возле курганного могильника [32, с. 30]. Это, видимо, связано с тем, что бычьи черепа и рога играли большую роль в погребальных культах древних племен [39, с. 146; 40, с. 13—14; 41, с. 176—177]. Несколько зольников открыты вблизи Песочинского курганного могильника, но они еще не изучены [4, с. 255]. Расположение зольников вблизи от погребений заставляет предполагать, что они были связаны с погребальным культом или поминанием покойников.

Таким образом, исследование показывает, что у племен, живших в междуречье Днепра и Дона в скифское время, наблюдается большое разнообразие типов погребальных сооружений и обрядов. При этом некоторые особенности локализуются. Так, в бассейне Сулы были распространены склепы II-го типа, IV-го типа первого подтипа, X-го типа. Склепы с дромосами здесь отсутствуют. Для Ворсклы характерны деревянные срубы, склепы IV-го типа второго подтипа, склепы VI-го и VIII-го типов. На Северском Донце и Правобережном Среднем Дону бытовали склепы типов I, III, V. По положению погребенных несколько выделяются курганы Северского Донца, где значительный процент составляет ориентировка на запад. Не зафиксированы здесь и трупосожжения. Такое разнообразие подтверждает мнения исследователей о разноплеменном составе населения исследуемого района [42, с. 65—85; 43, с. 185—194]. В определенных случаях разнообразие обряда было связано с различным социальным положением погребенных [44, с. 14]. В целом обряд погребения междуречья Днепра и Дона во многом совпадает с погребальным ритуалом на-

селения правобережной лесостепи. Отличительной чертой правобережных курганов является наличие в могилах захоронений лошадей, чего пока не отмечено в курганах восточнее Днепра.

Сопоставляя обряд погребения междуречья Днепра и Дона с обрядом степных скифов, следует отметить отличие, заключающееся в преобладании в степи катакомб, в наличии каменных ящиков и склепов, комбинированных гробниц. Значительно меньше в степи деревянных гробниц и погребений с трупожжениями. Отличается и ориентировка погребенных. В степных курганах известно много захоронений коней, встречаются остатки повозок, погребения конюхов [45, с. 5—10], чего нет в рассматриваемых памятниках лесостепи.

Список литературы: 1. Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. — М.: Синодальная тип., 1908.—272 с. 2. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. — Л., изд. РАИМК, 1925.—505 с. 3. Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей. — ИАК, 1918, вып. 65, с. 87—143. 4. Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. — Киев: Наук. думка, 1968.—268 с. 5. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1962.—404 с. 6. Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі. — К.: Наук. думка, 1967.—188 с. 7. Либеров П. Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца. — МИА, 1962, № 113, с. 5—85. 8. Его же. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — М.: Наука, 1965 — 111 с. 9. Рудинский М. Я. Мачухська експедиція Інституту Археології в 1946 р. — Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, 1949, с. 53—79. 10. Махно Е. В. Курганы скифского часу біля с. Малі Будки. — Археологія, т. 8, 1953, с. 123—127. 11. Моруженко А. А. Исследования в Харьковской и Донецкой областях. — АО, 1974, М.: Наука, 1975, с. 330. 12. Шрамко Б. А. Археологічні дослідження курганів раннього залізного віку в околицях м. Люботина. — Уч. зап. ХДУ, т. 78. Тр. іст. ф-ту, 1957, вип. 5, с. 193—203. 13. Его же. Селище та могильник ранньої залісної доби біля с. Острозерхівки. — Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, 1956, с. 56—65. 14. Пузикова А. И. Курганный могильник скифского времени у с. Русская тростянка. — СА, 1962, № 4, с. 219—224. 15. Его же. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. — МИА, 1969, № 151, с. 82—95. 16. Его же. Новые Курганы скифского времени в Белгородской области. — КСИА, 1966, вып. 107, с. 80—91. 17. Его же. Марицкое городище в Посеймье. — М.: Наука, 1981.—120 с. 18. Радзиевская В. Е. Отчет о работе скифской лесостепной экспедиции в 1979 г. — Науч. архив ИА АН УССР. — 16 с. 19. Коленченко Н. Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Харьковской области. — Науч. архив ИА АН УССР. — 25 с. 20. Бородулин В. Г. Исследования на территории Харьковской области. — АО, 1976, М.: Наука, 1977, с. 271—272. 21. Его же. Раскопки Песочинского курганного могильника. — АО, 1979, М.: Наука, 1980, с. 254—255. 22. Берестнев С. И. О работах лесостепной Левобережной экспедиции. — АО, 1980, М.: Наука, 1981, с. 23. Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок с 1886 по 1902 г. — СПб., 1908.—280 с. 24. Zakharov A. A. Zaretsky's excavations in the government of Kharkov. — Eurasia Septentrionalis Antiqua, vol. VII. — Helsinki, 1932, p. 59—81. 25. Шрамко Б. А. Отчет о работе Скифско-славянской археологической экспедиции Харьковского университета в 1965 г. — Науч. архив ИА АН УССР. — 56 с. 26. Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя. — СА, 1966, № 3, с. 152—171. 27. Шрамко Б. А. Отчет о работе Скифско-славянской археологической экспедиции Харьковского университета в 1969 г. — Науч. архив ИА АН УССР. — 40 с. 28. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III. — СПб., 1901. — 174 с.

29. Шрамко Б. А. Раскопки Бельского городища и могильника «Скоробор». — АО, 1975, М.: Наука, 1976, с. 406—409. 30. *Его же*. Новые находки в городе Гелоне. — АО, 1981, М.: Наука, с. 31. Мельник Е. Н. Раскопки курганов в Харьковской губернии летом 1900—1903 гг. — Тр. ХП АС, т. I. — М., тип. Лисснера и Собко, 1905, с. 673—743. 32. Шрамко Б. А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1975 г. — Науч. архив ИА АН УССР. — 41 с. 33. Шрамко Б. А., Щегленко А. В. Раскопки курганов в Полтавской области. — АО, 1980, М.: Наука, 1981, с. 34. Замятин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. — СА, т. VIII, 1946, с. 8—46. 35. Шрамко Б. А., Щегленко А. В. Отчет об охранных раскопках в окрестностях с. Бельск Полтавской обл. в 1980 г. — Науч. архив ИА АН УССР. — 13 с. 36. Шрамко Б. А. Археологические исследования в зоне строительства Муромского водохранилища и оросительной системы в 1978 г. Общий отчет о работах. — Науч. архив ИА АН УССР. — 9 с. 37. Гордцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1905 г. — Тр. XIV АС, т. III. — М., тип. Лисснера и Собко, 1911, с. 128—143. 38. Корнюшин Г. И. Курган у села Левашовки. — МИА, 1969, № 159, с. 105—108. 39. Генинг В. Ф., Ашихман Л. И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта. — АО, 1974, М.: Наука, 1975, с. 144—147. 40. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических открытий. — М.: Наука, 1977. — 82 с. 41. Смирнов Ю. А. Погребение с бычьими черепами в Нижнем Подонье. — СА, 1980, № 4, с. 178—180. 42. Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелон-будинская проблема. — СА, 1975, № 1, с. 65—86. 43. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. — М.: Наука, 1979. — 240 с. 44. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднпровья в V—III вв. до н. э. — М.: Наука, 1967. — 178 с. 45. Ольховский Б. С. Погребальные обряды населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1978. — 21 с.

Поступила в редколлегию 10.11.81.

Б. А. ШРАМКО

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОГО РЕМЕСЛА

В последнее время появилось немало работ, посвященных изучению социально-экономического развития Скифии. Отрадно и то, что некоторые из них полностью или частично рассматривают вопросы, связанные с характеристикой скифского ремесла. Как известно, письменные источники не балуют исследователей сведениями о ремесленниках. Геродот прямо указывает, что у скифов «меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан» [1]. Это обстоятельство, видимо, не создавало благоприятных условий и для отражения жизни ремесленников в памятниках искусства. До недавнего времени археологи, изучавшие Скифию, почти не располагали такими находками, но сейчас в качестве источников, показывающих нам скифов-ремесленников, указывают изображение, вырезанное на амфорной ручке, и пектораль из Толстой Могины. В данной статье мы постараемся выяснить, насколько правомочны такие попытки.

Снимок обломка амфорной ручки с интересующим нас изображением (см. рисунок) опубликован В. А. Ильинской [2]. В происхождении вещи не все достаточно ясно. Автор

пишет, что в 1962 г. изделие передал в Запорожский музей в качестве случайной находки на берегу Каховского водохранилища краевед И. П. Грязнов. Он получил ее от какого-то жителя с. Каменка-Днепровская, фамилия которого не указана. Предпринятая нами попытка уточнить обстоятельст-

ва появления предмета привела к неожиданным результатам. В полученной из музея официальной справке говорится, что эта амфорная ручка поступила в Запорожский музей в 1963 г. от местного жителя краеведа В. Скрипниченко и зарегистрирована под № ЗКМ-Арх-407. Кв. 17196. По имеющимся сведениям, она найдена на Каменском городище, на участке берега Каховского водохранилища, который сейчас затоплен. Таким образом, мы с самого начала попадаем в затруднительное положение и вследствие противоречивости сведений не знаем точно кто, когда и при каких обстоятельствах нашел эту вещь. Однако не только этот факт, но и сам характер изделия заставляет отнестись к нему с недоверием.

Перед нами небольшой обломок ручки амфоры неизвестного типа и времени. На предварительно сглаженном участке обломка в овальном углублении грубо вырезано изображение сидящего на возвышении человека. Правую руку он занес для удара по орудию в виде зубила, которое удерживается левой рукой на венчике какого-то сосуда. Молоток непропорционально мал по сравнению с массивным орудием, по которому наносится удар. Предполагается, что здесь изображен ремесленник-скиф, занятый изготовлением античного бронзового сосуда. Однако при этом следовало ожидать, что будет показан какой-то типичный для его изготовления процесс, но на самом деле этого нет. Венчики подобных античных сосудов литые и при помощи зубила не изготавливались. Но главное даже не в этом.

Для использования данного предмета в качестве археологического источника необходимо хотя бы в общих чертах ответить по крайней мере на три основных вопроса: кем, когда и зачем могло быть вырезано изображение на ручке амфоры? В. А. Ильинская признала, что долгое время древнее происхождение этого изделия считалось сомнительным, но полагала, что затем появились новые данные, позволяющие доказывать «оригинальность находки и связь ее с периодом существования Каменского городища». Такую возможность открывает якобы сопоставление с найденной в Толстой Могиле золотой пекторалью и с бронзовой ручкой патеры из Новочеркасского музея. В результате она сделала ряд важных выводов: на ручке амфоры изображен свободный скиф-ремесленник; изображение вырезано на месте находки, т. е. на Каменском городище, и свидетельствует о традиционности изображения людей во время работы или отдыха в греко-скифском искусстве IV в. до н. э.; изделие применялось в качестве штампа для получения оттиска на глине или воске с целью дальнейшего воспроизведения в металле. Рассмотрим, насколько убедительны эти выводы.

Этническая принадлежность человека, изображенного на ручке амфоры, подлинность и датировка изделия определяются якобы на основании очень большого сходства вырезанной фигуры с фигурами двух скифов в центральной части пекторали. В. А. Ильинская пишет: «Если бы изображение на амфорной ручке было найдено после открытия Толстой Могилы, можно было бы допустить, что резчик взял за основу правую фигуру скифа с пекторали». Однако на самом деле такого сходства нет. Ни художественный стиль резьбы на амфорной ручке, ни предполагаемая технология использования изделий не имеют никакого отношения к античной торевтике. Дело не только в совершенно различных сюжетах, манере изображения и позах людей (на амфорной ручке один человек сидит на возвышении и что-то делает при помощи молотка, на пекторали — два человека сидят друг перед другом на корточках и держат рубаху), но и в деталях, с объяснением которых невозможно согласиться.

Сопоставляя амфорную ручку с пекторалью, В. А. Ильинская отмечает сходство в изображении одежды, обуви, волос и ленточной повязки на голове. Однако такие детали, как шаровары и мягкая обувь, на грубом резном изображении на амфоре просто невозможно разглядеть. О наличии какой-то одежды на верхней части тела ремесленника можно судить по треугольному вырезу, но для более точного определения характера одежды данных нет. Трудно сказать, является ли этот треугольник обозначением заходящих один за другой бортов кафтана или это показан треугольный вырез на рубахе.

Сопоставить же эту деталь с изображением рубахи на пекторали невозможно, так как последняя, судя по концам пояса, показана со стороны спины [3, с. 87, рис. 68]. Волосы сравниваемых фигур явно изображены по-разному. У скифов на пекторали они переданы мягкими волнистыми линиями или показаны заплетенными в косички, а у человека на амфорной ручке изображены резкими прямыми линиями так, что борода даже напоминает подбородочный ремень шлема. Изображение повязки на голове ремесленника не очень ясное. Отчетливо видна только одна горизонтальная линия, а выше ее нет линий, которые обозначали бы волосы, столь грубо показанные ниже. При такой нечеткости деталей допустимо даже предположение, что резчик хотел изобразить человека в шапке или шлеме.

Но если даже согласиться с В. А. Ильинской в том, что на голове у ремесленника изображена ленточная повязка, то это будет лишним свидетельством против подлинной древности изображения. Нельзя признать убедительным утверждение автора, что «обычность манеры повязывать волосы в повседневном обиходе подтверждается изображением скифа с лентой на лбу на кульобской вазе» [2, с. 32]. То, что можно увидеть на вазе из Куль-Обы, скорее подтверждает как раз необычность такой повязки, как и всех сцен, связанных с мифологическим сюжетом, что хорошо показал Д. С. Раевский [4]. Здесь лишь один сидящий на возвышении человек имеет на голове повязку-диадему. Остальные герои либо имеют на голове шапку, либо показаны без головных уборов, но и без повязок. Видимо, правы исследователи, которые уже неоднократно отмечали, что с повязкой-диадемой на голове изображали не рядовых скифов, а царей [4—7]. Следовательно, ремесленник не мог быть изображен с такой повязкой.

Необходимо отметить, что и на пекторали из Толстой Могилы также лишь у одного из двух скифов на голове имеется повязка-диадема. Б. Н. Мозолевский не раз отмечал, что все изображения на этом парадном украшении имели символическое значение [3, с. 220—221; 8, с. 77]. К сожалению, Б. Н. Мозолевский не всегда достаточно последователен. При первоначальной характеристике находок в монографии он пишет, что центральная сцена пекторали показывает скифских мастеров, портных, занятых шитьем одежды. В объяснении сюжета и значении пекторали он уже правильно подчеркивает, что эта сцена не может рассматриваться как рядовой сюжет из жизни простых ремесленников, что для всего изделия характерна культовая семантика, связанная, возможно, с деятельностью царя-жреца [3, с. 86—87, 210, 220—226]. В связи с этим трудно предположить, что в центральной части пекторали, принадлежащей если даже не царю, то по крайней мере знатному скифу, изображена сцена, рассказывающая о простых тружениках, которые шьют меховую рубашку.

А. П. Манцевич тонко подметила, что здесь изображены воины, держащие рубашку панциря, заканчивающуюся чешуйчатым боевым поясом [9, с. 14]. В целом же эта сцена, на наш взгляд, показывает воинов после сражения. Один из них повесил, а другой отложил в сторону свой горит. Поврежденные в бою панцирные рубашки они сняли и поэтому показаны обнаженными до пояса. Слева с повязкой-диадемой на голове изображен, очевидно, царь. Он рассматривает пробоину на панцирной рубашке. Удар мог быть смертельным, но панцирная рубашка оказалась надежной защитой, и поэтому ей уделяется столько внимания. Второй скиф вытаскивает из рубахи какой-то застрявший в ней изогнутый стержень, напоминающий коготь. Борьба животных в сценах нижнего пояса пекторали позволяет предполагать, что речь идет о царе — победителе чудовищ, скорее всего о Таргитае. Таким образом, изображение в центре пекторали рассказывает о хорошо известном скифам мифе о героическом царе-победителе, подчеркивает трудность этой победы, обеспечившей мирную жизнь и благоденствие людей, показанных в верхнем поясе пекторали справа и слева от центральных фигур.

Как бы то ни было, но сопоставление пекторали с изображением ремесленников на амфорной ручке ничем не оправдано и не может ни подтвердить подлинную древность последнего, ни дать указания на место и время изготовления. Если уж говорить о возможных образцах, то автору, вырезавшему изображение на амфорной ручке, были, очевидно, хорошо известны давно опубликованные сцены на Воронежском серебряном сосуде. Отсюда могли быть заимствованы даже отдельные детали: один скиф сидит на возвышении в аналогичной позе, заложив левую ногу за правую. Корпус повернут так, что виден треугольный вырез кафтана. У другого, разговаривающего с человеком, вооруженным копьем, очень похожее расположение рук. Достаточно было только добавить некоторые детали в виде молотка и зубила.

Пожалуй, самым серьезным аргументом против признания изделия из амфорной ручки подлинным древним предметом, изготовленным на Каменском городище, является его практическая бессмысленность, полная бесполезность. В. А. Ильинская называет это изделие «медальоном», но рассматривает в качестве орудия производства. С предположением о том, что «медальон» мог быть использован в качестве штампа для получения промежуточных оттисков на каком-то мягком материале «с целью дальнейшего воспроизведения», трудно согласиться по многим причинам. Непонятно, что именно должны были изготавливать по оттиску с этого очень грубого изображения крупного размера (около 4,5×4,1 см) — инструмент или готовое изделие в виде овальной бляхи. Впрочем и то и другое невероятно. Изделия подобного типа в виде нашивных

бляшек не изготавливались литьем, а штамповались. Технология эта сейчас может быть восстановлена во всех деталях на основе находок на Каменском и Бельском городищах [10, с. 134; 11]. Можно уверенно говорить, что она совершенно не требует применения керамических штампов. Да и сюжет «медальона» не имеет никаких аналогий в известных нам бляшках. Вряд ли он мог привлечь внимание основных потребителей этой продукции из скифской знати. Инструменты в виде штампов для тиснения бляшек отливались из бронзы, но их изготовление также не требовало применения такой излишне многоступенчатой технологии, как использование оттиска с грубой керамической матрицы-«медальона». В ней не было необходимости, так как вырезание «медальона» столь же трудоемкая операция, как и изготовление аналогичной жесткой литейной формы. Следовательно, гораздо целесообразнее было бы вырезать непосредственно литейную форму. Но жесткие литейные формы скифской эпохи для изготовления художественных изделий встречаются крайне редко, и применялись они для выработки массовой продукции, а не для отливки штампов. Таким образом, керамический «медальон» — изделие технологически бесполезное со всех точек зрения. Относить этот предмет к античным вообще нет веских оснований. Никто еще не приводил никаких доказательств того, что античные мастера работали на Каменском городище, а художественный стиль «медальона» вряд ли позволяет считать его произведением античного искусства. Также нет оснований предполагать, что скифские ремесленники занимались на Каменском городище изготовлением металлических сосудов античного типа.

Несохранившаяся ручка бронзовой палеры из Новочеркаского музея не может быть использована в качестве источника для изучения скифского ремесла по другим соображениям. Известна она лишь по плохой фототипии, но все же нет оснований сомневаться в том, что это была подлинно античная вещь, изготовленная в каком-то южноиталийском центре в I в. до н. э. [2, с. 34—35]. Однако она не имеет никакого отношения ни к сомнительному «медальону» на амфорной ручке, ни к скифскому ремеслу. Изображения ремесленников на античных предметах, изготовленных вне Северного Причерноморья, известны давно, но в данном случае В. А. Ильинская сделала попытку доказать, что на ручке палеры изображены ремесленники-варвары, похожие на скифов. К сожалению, важные детали и на фототипии, и на прорисовке рассмотреть очень трудно. Нельзя даже с полной уверенностью сказать, что именно делают изображенные ремесленники. Видно, что человек, сидящий слева, держит в руке молоток, а у правой фигуры расположение рук позволяет предположить, что человек что-то мнет или выжимает. На принадлежность мастеров к варварам якобы указывает специфическая одежда — шаровары. На са-

мом деле изображения на ручке патеры настолько нечеткие, что сказать что-либо определенное об одежде мастеров просто невозможно. Даже на прорисовке автора и у правой, и у левой фигуры на бедрах показаны черточками одинаковые складки, но тем не менее исследовательница полагала, что левый чело-век обернут по поясу тканью или шкурой, а правый — в шароварах. Впрочем и последнее еще не означает, что вар-вар является скифом.

Нет уверенности и в том, что хотя бы один из мастеров за-нят изготовлением античного металлического сосуда, что хоть в какой-то мере перекликалось бы с изображением на амфор-ной ручке. Ни молоток в руке одного из мастеров, ни сосуд, стоящий между двумя людьми, еще ничего не доказывают. Можно напомнить известное изображение сапожной мастер-ской на аттической амфоре, где так же, как и в данном случае, между двумя сапожниками стоит широкогорлый сосуд [12], но это, конечно, совсем не означает, что сапожники занимались изготовлением сосудов. Таким образом, нет никаких серьезных доводов в пользу того, что изображение на патере имеет ка-кое-либо отношение к скифам или к скифскому ремеслу.

Наконец, также трудно согласиться с попыткой определить по фигурам рассматриваемых изображений «ремесленников скифов» их принадлежность к рабам или свободным. По мне-нию В. А. Ильинской, на амфорной ручке и на пекторали даны изображения свободных скифов-ремесленников. Это, конечно, значительно обогатило бы наши источники о социальном чле-нении скифского общества и о месте, которое занимали в нем ремесленники, если бы имелась уверенность в том, что на пек-торали действительно показаны мастера по изготовлению каф-танов, а «медальон» на амфорной ручке не является наивной подделкой или плохой шуткой.

Список литературы: 1. Геродот. История в девяти книгах, П, 167/Пер. Г. А. Стратановского. — Л.: Наука, 1972.—600 с. 2. Ілїнська В. А. Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я. — Археологія, 1976, № 20, с. 31—36. 3. Мозолевський Б. М. Товста Могила. — К.: Наук. думка, 1979.—250 с. 4. Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. — СА, 1970, № 3, с. 90—101. 5. Стефани Л. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России. — ОАК, 1864 г. — СПб., 1865, с. 146. 6. Ростовцев М. И. Воронеж-ский серебряный сосуд. — МАР, № 34. — СПб., 1914, с. 85. 7. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М.: Наука, 1977.—36 с. 8. Мо-золевський Б. М. Товста Могила — видатна пам'ятка Скіфії. — Археоло-гія, 1972, № 5, с. 77. 9. Манцевич А. П. Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи. — Archeologia, XXVI, 1975, с. 14. 10. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, № 36, 1954, с. 240. 11. Шрам-ко Б. А. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии. — СА, 1970, № 2, с. 217—221. 12. Blümner H. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Kunst bei Griechen und Römern. B. I. — Leipzig, Berlin, 1912, S. 285, Abb. 90.

Поступила в редколлегию 16.11.81

СОДЕРЖАНИЕ

Зинченко В. Б. Основные этапы территориально-административной реформы во Франции (1959—1969 гг.)	3
Литвиненко Ю. Г. Национально-освободительное движение в Индии в 1918-1922 гг. и рабочий класс	10
Чувпило А. А. Индийская историография национально-освободительного движения 1918—1922 гг. в Индии	15
Авраменко А. М. Дворянское землевладение на Левобережной Украине в конце XIX — начале XX в.	24
Зайцев В. В. Россия и Сербия конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. в русской мемуаристике, дневниках и личной переписке	32
Мигаль В. К., Журавский Ю. И., Д. И. Багалей как историк Харьковского университета	40
Кадеев В. И. В. П. Бузескул как историк	48
Калуцкая Л. П. Новая концепция средневековой культуры в советской историографии (1960—1980 гг.)	52
Голубкин Ю. А. Мартин Лютер в историографии ГДР	62
Дятлов В. А. Историография ГДР о классовой борьбе в городах Германии во время раннебуржуазной революции 1517—1525 гг.	69
Гаврюшенко А. А. Филипп Меланхтон в марксистской историографии СССР и ГДР 50-х — 70-х годов	76
Шмалько А. В. Лукиан как источник по истории Вифинии-Понта	84
Сергеев И. П. К вопросу об «антисенаторской политике» Септимия Севера	89
Сорочан С. Б., Шевченко А. В. Западнопонтийские светильники II—VI вв. из Херсонеса	94
Латышева В. А. Граффити поселения Маслины	101
Щегленко А. В. Обряд погребения лесостепных племен междуречья Днестра и Дона в VII—III вв. до н. э.	110
Шрамко Б. А. К вопросу о некоторых источниках изучения скифского ремесла	119

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 238**

**История и культура
досоциалистических формаций**

Редакторы *Н. Н. Сорокун, Л. А. Копецкая*
Художественный редактор *В. Е. Петренко*
Технический редактор *Л. Т. Момот*
Корректор *Л. П. Пипенко*

Сдано в набор 19.07.82. Подп. в печать 16.12.82.
БЦ 09426. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3.
Лит. гарн. Выс. печать. 8 усл. печ. л., 8,25 кр.-отт.,
9 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 1049.
Зак. № 1221. Цена 1 р. 30 к.

Издательство при Харьковском государственном универ-
ситете издательского объединения «Вища школа»
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16
Харьковская городская типография № 16, 310003,
Харьков-3, ул. Университетская, 16

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Отредактированная и подготовленная к сдаче в типографию рукопись книги подписывается автором «в набор».

После набора и представления чистой корректуры верстки автор имеет право в 1983 г. внести в корректуру не более 4% правки от стоимости набора, причем расходы по исправлению верстки (кроме технической и конъюнктурной правки) в пределах 2% стоимости набора издания с автора не взыскиваются. Стоимость авторской правки, превышающая 2% стоимости набора издания, оплачивается автором. Стоимость всей авторской правки, взыскиваемой с автора, не может превышать 20% стоимости набора издания по расценкам металлургического набора.

На корректуру верстки переизданий этот порядок не распространяется и стоимость авторской правки полностью взыскивается с автора.

уиБ-1